

Шарль Бодлер
ЦВЕТЫ
ЗЛА

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Шарль Бодлер

ЦВЕТЫ ЗЛА

Санкт-Петербург
СЗКЭО

Москва
ОНИКС-ЛИТ

ББК 84.(4)-5
УДК 821.133.1
Б75

В книге использованы иллюстрации
Армана Россенфоссе по изданию 1899 года

В оформлении обложки использованы литографии Армана Россенфоссе
из отдельного издания иллюстраций к «Цветам зла» 1930 г.

Переводы Арсения Альвинга воспроизводятся по изданию
«Шарль Бодлер. Цветы зла», издательство «Гелиос», СПб, 1908 г.

Специально для настоящего издания переводы всех стихов
из раздела «Осколки», отсутствующие у Арсения Альвинга,
выполнены Сергеем Афонькиным

Б75 Бодлер Шарль. Цветы зла — Санкт-Петербург, СЗКЭО, 2019. —
400 с., ил.

После первой публикации «Цветов зла» в 1857 г. Шарль Бодлер был привлечен к суду за нарушение общественной морали, и в последующих перепечатках был вынужден опускать некоторые стихотворения. Данное издание является уникальным; оно включает полный перевод «Цветов зла» Арсения Альвинга, вышедший в 1908 г. и являющийся ныне библиографической редкостью; пропускаемый ранее раздел «Осколки» дан в переводе Сергея Афонькина. В издании использованы уникальные иллюстрации Армана Россенфоссе к французскому изданию 1899 г., выпущенному тиражом всего 115 экземпляров.

ISBN 978-5-9603-0461-0

© СЗКЭО, 2019

ИСТИННОМУ ПОЭТУ,
НЕОБЫКНОВЕННОМУ ЧАРОДЕЮ
ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,
МОЕМУ ДОРОГОМУ И УВАЖАЕМОМУ
УЧИТЕЛЮ И ДРУГУ
ТЕОФИЛЮ ГОТЬЕ
С ЧУВСТВОМ ГЛУБОКОГО СМИРЕНИЯ
ПОСВЯЩАЮ Я ЭТИ БОЛЕЗНЕННЫЕ ЦВЕТЫ
Ш. Б.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вгрызлись нам в мозг и в тела нам вонзились:
Скупость, пороки, грехи заблуждений,
И живем мы восторгом своих угрызений
Для того, чтобы черви плодились.

Мы упорны в грехах и мы лжем в покаяньи,
За признанья мы щедрой награды хотим,
И на путь наш тернистый со смехом летим,
Омывая пороки в притворном рыданьи.

Сатана Трисмегист и коварный, и злой, —
Он мечтания нам отравляет,
И металл нашей воли смягчит, расплавляет,
Словно химик, волшебник какой.

Дьявол нас покоряет, он нас развращает,
Научив восхищаться уродством,
И каждый из нас, с паразитическим сходством,
В темноте прямо к Аду шагает.

Как развратник глубокий, развратник ужасный,
Грудь гетеры презренной целует, —
Так и каждый из нас наслажденья ворует,
И упившись, страдает несчастный.

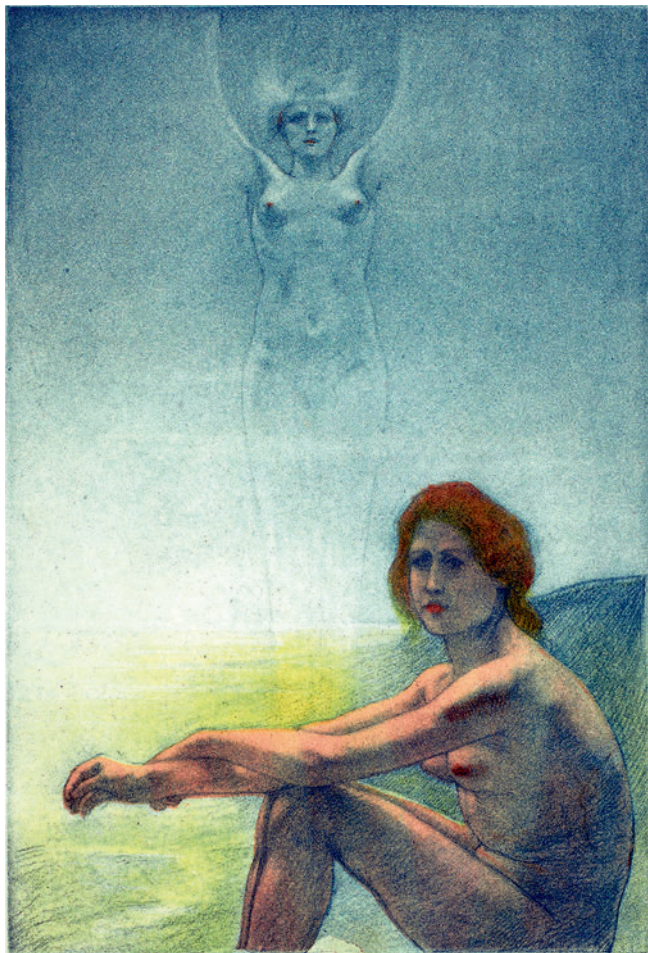
Словно сотни червей, в наших мыслях всегда
Целый рой сатанинский кружится,
И в дыхание тайно к нам Смерть устремится.
В наши легкие, тихо журча, как вода.

Яд, убийства, поджоги, насилья,
В нашей жизни везде и всегда,
И ее изменить можно только тогда,
Если вырастут смелые крылья.

Но опасней тарантула, коршуна, змей
И страшнее шакала, гиены, борзых,
Среди наших грехов, в нас самих,
Есть чудовище хуже и злей!

Этот злобный и мерзкий вампир
Притаился в глубоком молчаньи;
Если б воля его, он бы, в злобном дыханьи,
Сжег бы землю, в зевке проглотил бы весь мир.

Он твой глаз наполняет невольной слезой,
На досуге о кознях мечтая,
Это — Скука, читатель, мучительно злая,
Это Скука, о брат, о читатель изменчивый мой!

СПЛИН И ИДЕАЛ

I. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Когда по воле высшей и священной власти
Явился в мир скучающий поэт,
То мать его в бессильно-злой страсти
Проклятья богу шлет и ненавидит свет.

«О, лучше б я гадюк поганых родила
И их вскормила бы без горя и сомнений!
Я проклиная ночь, когда я зачала
Его в чаду минутных наслаждений!..

Ты сделал из меня орудие страдания
И горя страшного для мужа моего,
О, почему нельзя исполнить мне желанья,
И сжечь чудовище, как мусор сжечь его!

Я умертвить его должна, я так хочу!
Тебя прошу дать ненависти волю;
Я это дерево несчастное скручу,
Ростков пустить ему я не позволю!»

И с пеною у рта, в безумном ослепленьи,
— (О, ей предвечной воли не понять!)
Готовит за грехи в аду себе мученья
Преступная, озлобленная мать.

А тенью ангела невидимой хранимо,
Несчастное дитя на воле все растет;
Без ласки матери и всеми нелюбимо,
И в пищу, и питье нектар душистый пьет.

Играет с ветерком и с тучкою болтает,
Всегда беспечен, радостно-игрив...
И разум — он его в пути сопровождает,
Льет слезы, видя как он шаловлив.

Он любит всех, — его все сторонятся,
За ним шпионят все, ему мешают жить,
Стараются к нему хоть как-нибудь придраться
И ненависть свою всю на него излить.

Его вино и хлеб плевками оскверняют;
Никто из них не даст своей руки ему;
Все с лицемерием они тотчас бросают,
Чего коснется он, что дорого ему.

Его жена людей над ним заставила смеяться;
«О, если он сумел меня так полюбить, —
Я всех себе заставляю поклоняться,
Культ древних идолов сумею воскресить!»

И умушусь я нардом, благовонным миром,
Упьюсь вином, упьюсь его мольбой, —
Чтоб увидеть могу ль я стать его кумиром,
Могу ль всю жизнь его заполнить лишь собой!

Когда же роль вакханки мне наскучит,
Своей рукой я в грудь ему вопьюсь;
Когтями Гарпии, которые так мучат,
До сердца, до его я доберусь!

Я сердце это трепетное выну,
Как птицу робкую, которая дрожит;
С презреньем отшвырнув, его на землю кину,
И буду хохотать, пока оно летит!»

А он, поэт, несет свои мечтанья
На небо ясное, где блещет пышный трон;
И блеск его ума мягчит его страданья,
И яд толпы людской не замечает он: —

«Благословен Господь, дающий нам страданья,
Как средство дивное от мерзости грехов
И как волшебный сок от всех дурных желаний
Для укрепления сил и от нечистых снов!

О, знаю я, Господь, — ты не забыл меня,
Ты приготовил место для поэта
На вечном празднике, где радостью звеня,
Все ангелы Твои ликуют в волнах света!

О, знаю я, что боль — единая награда;
Одна она от мук меня спасет;
И для меня венец сплести из скорби надо, —
Мистический венец, — но кто его сплетет?

И запылает свет блестящими лучами
В сияньи моего волшебного венца.
О, что все перлы моря, поднятые вами,
В сравненьи с ним, горящим без конца?

Сплетенный из лучей предвечного сиянья
В огне своей мечты, в огне своих лучей, —
Он отражает все и чувства, и желанья, —
Все смертные глаза и души всех людей!»

II. АЛЬБАТРОС

Чтоб позабавиться, суровые матросы
Свободных птиц стараются поймать.
Те птицы бедные — морские альбатросы,
Всегда за кораблем привыкшие летать.

Поймав, кидают их на палубу с размаха;
Воздушные цари — они теперь дрожат;
Они теперь полны испуга, злобы, страха, —
Их крылья белые, как два весла, висят.

О ты, познавший высь, — ты в облаках парил!
Теперь же ты лежишь приниженный, страдая...
Смеясь, тот в клюв тебе табачный дым пустил,
А тот идет, как ты, тихонько и хромя.

И ты, поэт, как вольный царь эфира,
Ты так родной громам, ты в небесах царил;
Теперь осмеянный, забрызган грязью мира,
И крылья гения печально опустил!

III. ПОРЫВ

Над зеркальностью пруда, над нежной долиной,
В царстве солнца, над пенной морскою пучиной,
В облаках, над вершинами дремлющих гор,
За безгранностью сфер, где планетный ковер, —

Ты, мой дух, и легко, и свободно витаешь,
Ты, смеясь, бесконечность мечтой рассекаешь,
Как искусный пловец на зеленой волне
Задремав в ослепительно-радостном сне.

О, лети же скорей от заразности мира!
Как нектаром, надзвездной мечтой опьянись.
В волны света живого, дрожа, погрузись, —
И очистишь в лучах золотого эфира.

Позабудь всю тоску, все земные печали,
Разукрась непроглядность земного пути,
Ощути свои крылья и вверх полети, —
В небеса, где горят лучезарные дали.

Счастлив только лишь тот, кто живет на свободе,
Кто, как птица, по небу мечтою летает,
Кто над жизнью царит и душой понимает
Даже грезы цветов и безгласность в природе!

IV. СХОДСТВА

Природа — это храм; в нем ряд живых колонн.
И странные глухие голоса;
В нем люди молятся, в нем символов леса, —
Но всем понятен, близок он.

И эха дальние, звеня, кругом несутся
Во мраке, слившемся с туманностью планет;
И все вокруг темно; но брезжит яркий свет,
И ароматы все, и все цветы смеются.

Есть запах тихий, как дыхание ребенка,
Нежней свирели он и вкрадчивей мечты, —
И есть другой, — победный, яркий, звонкий,
Владеющий сияньем красоты, —
Как ладан, амбра, мускус и бензой, —
Они туманят мозг, пьянят его мечтой.

V.

Я люблю вспоминать те эпохи далёко
прекрасные,
Когда Феб так любил и ласкал изваянья
бесстрастные,
Когда и мужчины и женщины все
наслаждались,
Без сомнений, без страха любили, желали,
смеялись.
И горячее солнце, и небо их вечно ласкало,
И их тело здоровьем и огненным зноем
дышало...
Охраняла своих сыновей от несчастий и горя
Природа;

Им дышалось легко, не касалась их жизни
невзгода;
Как волчица, она их кормила сосками своими
Словно нежная мать, и возилась, и нянчилась
с ними.
Человек постигал красоту в бесконечном
величьи своем;
Все склонялось пред ним, все его признавало
царем, —
Все — деревья, растенья, цветы и плоды,
Сок которых смертелен, в которых яды.

И теперь, когда хочет поэт воскресить
на свободе
Времена красоты и величья в природе,
Независимой, яркой, нагой красоты, —
Содрогается он, и в душе его гибнут мечты;
Перед этой картиной бессильны его
все желанья;
Безобразны у них и смешны одеянья,
Безобразны тела, вечно в масках они;
Всюду вялость и дряблость, куда ни взгляни:
Девы бледны, нет блеска в их тусклых глазах,
Словно вечно держали их в медных тисках;
Вы же, женщины, точно из воска фигуры, —
Вы живете развратом, циничны и хмуры,
Наградили вы грязью своих дочерей. —
И они, как и вы, поклоняются ей!
Правда, есть красота и у нас, у калек,
О которой не знал никогда человек, —
Это лица с печатью порока в сердцах

И с оттенком бессилья и боли в глазах.
Но это мечты запоздалые музы всевластной,
Плохая утеха для жизни больной и несчастной.
Мы помним все юность, жалеет с тоскою о ней,
Она нам сияет из прошлого блеском лучей;
Ту юность, которая точно вода ключевая,
Бежит беззаботно вперед, то звеня, то совсем
замирая,
Которая, словно как небо, как птицы, цветы,—
Дарит ароматы, напевы, мечты!..

VI. МАЯКИ

Рубенс — сад иль река, где истома, забвеньё
Ложе страстной любви, где нельзя полюбить,
Но где жизнь в бесконечно бегущем стремленьи,
Словно воздух иль море, где можно себя позабыть;

Леонардо да Винчи — бездонности зеркало
зыбкое,
Где нам ангелы вечно смеются, ликуя, шутя,
Наполняя вокруг все таинственно-светлой
улыбкою,
Где родные им сосны и горы сверкают, блестя;

Рембрандт — мрачный госпиталь слез и тоскливых
рыданий;

Лишь распятые большое его украшает собой;
Бесконечные жалобы, крики и вопли стенаний, —
Жутко, холодно, — веет суровой зимой;

Микеланджело — тусклые долины отжитого;
Христос и Геркулес... И призраки встают.
Могучие герои прошлого, былого,
Они толпой грозящею плывут;

Ты слил в одно и смех, и наглость фавна,
И гнев борца, и скромность, и порок,
И сердце гордое, и облик своенравный;
Ты всех забытых царь, поборник и пророк!

Ватто — нарядный карнавал и лица радостно-живые;
Как бабочки блестят и кружатся все там;
И свет хрустальный шлюют нам люстры огневые,
Они уносят нас к безумно-ярким снам;

Гойя — безумный кошмар, ужас тайны...
Там зародышей губят и зелья варят,
Там ведьмы безумны и в зверствах бескрайны, —
Чтобы нравиться демонам — детское мясо едят;

Делакруа это озеро крови и теплой, и красной.
Где ангелов злобных любимый приют;

Там звуки трубы, как дыханья, спокойно
бесстрастны;
Под небом печальным там вечные сосны растут.

Проклятья сливаются с нежным напевом;
Экстазы и крики, и счастье, и кровь;
Как эхо, звенит мировое «te Deum»,
Как опий для сердца, воскресшего вновь!

И множество раз размыкаясь; сцепляясь,
Звенят эти крики, как тьма голосов,
Горят как маяк, и во тьме отражаясь,
Помогут дорогу найти из лесов!

Господь, — это лучшим свидетельством будет
Того, что мы вечно стремимся вперед,
Того, что никто никогда не забудет
Желанные дали, где Вечность нас ждет!

VII. БОЛЬНАЯ МУЗА

О бедная муза моя! Что сегодня с тобой?
В твоих тусклых глазах целый рой привидений.
На лице твоём, вижу, гнездится бессилье с тоской,
Мука, ужас и холод туманных сомнений.

Злой ли дух, иль проказник старик-домовой
Навевают и страх, и томленье запретных желаний,
Иль кошмар погрузил тебя властной рукой
В тьму своих баснословных сказаний?

Я хочу, чтобы вся ты здоровьем дышала,
Я хочу, чтобы сила тебя вдохновляла,
Чтобы кровь твоя чистая мерно текла;

Чтоб она, словно древние песни, плыла, —
Песни Феба, царя многозвучных напевов,
Или Пана, властителя жатв и посевов.

VIII. ПРОДАЖНАЯ МУЗА

Родная муза, ты, любовница дворцов!
Когда засеребрятся снежные дороги, —
Зимой, чтоб отогреть свои босые ноги,
Найдешь ли ты уютный, теплый кров?

И оживишь ли мрамор белых плеч,
Когда ночная сырость в окна заструится,
А кошелек твой пуст, и не на что напитокся,
И в хижине твоей давно остыла печь?

И вот приходится, чтоб хлеб свой заработать,
Служить в хору и в алтаре работать,
«Те Деум» распевая со смиреньем.

Или гаерствовать, перед толпой кривляться.
Смешить других, самой смеяться,
Когда душа горит и болью, и презреньем!

IX. ДУРНОЙ МОНАХ

Со стен монастыря когда-то
Святая Истина в картинах оживала;
Смирением и кротостью объята,
Она сердца монахов покоряла.

В те времена поклонники Христа
Сподвижников великих называли; —
На кладбищах, под сению Креста
С любовью смерть они благословляли.

Моя душа, как склеп, а я — дурной монах;
Живу, мечусь в его стенах,
И голо все вокруг, и ненавистно — пусто.
Я лень сама. — Когда же, наконец,
Я Миру покажу печальный мой венец
И расскажу ему свое больное чувство?

Х. ВРАГ

Моя юность сплошной грозой прогремела, —
Я так мало видал ярко-солнечных снов!
Гром и дождь... и она унеслась, улетела,
И в саду у меня уж немного осталось плодов!

Вот какие осенние мысли во мне!
Нужно много труда, напряженья и силы,
Чтобы землю в саду приготовить к весне,
Чтобы вновь заровнять эти ямы-могилы!

Но сумеет ли почва больная вскормить
Те цветы, — и сумеет ли их оживить?
И воскреснут ли в сердце былые мечтанья?

О печаль! О Тоска! Время кровь нашу пьет,
Время-враг, зажигающий в сердце страданья
И стремящийся вечно и вечно вперед!

XI. НЕУДАЧА

Чтобы жить, чтоб нести этот гнет,
Надо силы Сизифа иметь,
Надо много работать, терпеть...
Бесконечно искусство, а время течет!

Вдалеке от гробниц, где никто не пройдет,
У забытых, заброшенных плит, —
Мое сердце, рыдая, беззвучно дрожит,
Словно марш похоронный поет!

Там, внизу, драгоценные перлы лежат,
И, сокрытые, грезят и спят,
Но их никогда, никогда не найдут!

Там, вверху, есть цветы бесконечно печальные,
Как тайны они, как загадки кристальные,
Но в пустыне, в пустыне цветут!

ХII. ЖИЗНЬ ПРОШЛОГО

Я долго жил под кровом портиков просторных.
Дрожало в море солнце радугой огней,
И в ряд колонн таинственно-узорных,
Их вечер превращал игрой своих теней.

Сиянье неба в море отражалось,
И музыка неслась могучая, как свет;
Вокруг все так сжилось, так радостно смешалось
И пурпурный закат багрянцем был одет.

Мой ум и сердце в неге утопали,
И я дремал в безгранности небес;
Я был обвеян сном таинственных чудес...

Рабы в лицо мне пальмами махали,
Печаль души моей стараясь угадать
И сердца боль постигнуть и унять.

ХІІІ. ЦЫГАНЕ В ПУТЕШЕСТВИИ

Пророческое племя с яркими зрачками;
Вчера в дорогу двинулись, но путь им незнаком.
Из груди полной кормят молоком
Цыганки-матери детей, держа руками;

Мужья пешком идут, кинжалами
сверкая,
И на небо угрюмые глядят;
В повозках только старые
лежат;
И солнце льет тепло, лучами
согревая.

Завидя их в песке, в норе своей, —
Сверчок трещит и громче, и звончей;
Цибелла любит их, им травы зеленеют,

Для них цветут луга и ручеек сверкает,
Пустыня перед ними оживает;
Они все знают, видят, могут, смеют.

XIV. ЧЕЛОВЕК И МОРЕ

Свободный человек, всегда любить ты будешь
море!

Оно, как зеркало твоей всезнающей души,
Его валы так грозно-хороши,
В них, как в уме твоём, сквозит и страх и горе.

Как хорошо лежать на гребне белопенном!
Вода тебе целует руки и глаза,
И сердце замолчит, и задрожит слеза,
И все замрет в рыданьи моря грохотно-изменном!

Вы оба скрытны, замкнуты и странны, —
И человек себя от взоров охраняет,
И море перлы глубоко скрывает, —
Обоим тайны вам заветные желанны.

Вы битву любите и смертные объятья,
Меж вами страшная, безумная вражда,
Непримиримая в былом, теперь, всегда, —
О вечные враги! О спорящие братья!

XV. ДОН-ЖУАН В АДУ

Когда Дон-Жуан в подземелия Стикса
спустился
И отдал Харону свой медный обол, —
Бродяга с лицом Антисфена к рулю примостился
И злобно ладью по суровому царству повел.
И вот, сотни женщин с потухшим, страдающим
взором,
С грудями отвислыми, быстро за ними плывут,

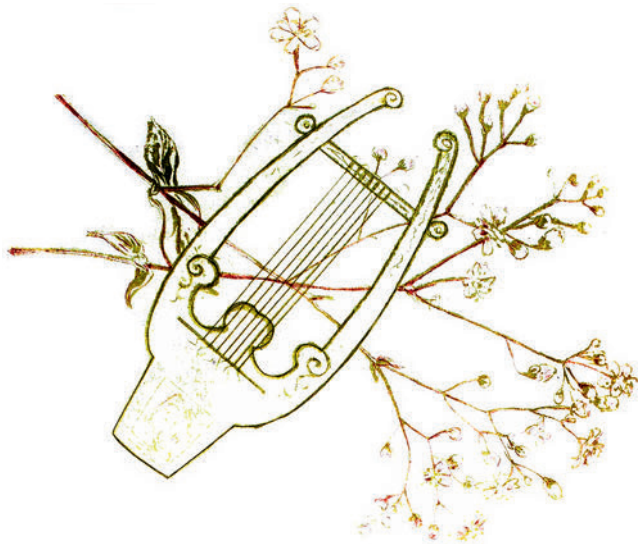
Рыдают, сплетаясь они бесконечно-печальным
узором;
Несчастные жертвы, они отомщения ждут!

Смеясь, Сганарель пристает за условленной
платой;
Дрожащей рукой Дон-Луи у подземной стены
Теням объясняет, как сын одаренный, богатый,
Стыдом и позором его оскорбил седины.

И кутаясь в траур, худая Эльвира с мольбой
У мужа, который любовником был,
Все просит улыбки, — лишь нежной улыбки
одной,
И хочет, чтоб вновь он ее полюбил.

И как изваянье, спокойный и властный герой,
На шпагу рукой опираясь, стоял...
Следил за бегущей тяжелой волной,
И кроме воды ничего не видал...

XVI. ТЕОДОРУ ДЕ БАНВИЛЬ

Охвативши руками своими богиню искусства,
Ты владеешь ей так, как никто никогда не владел;
О, счастлив твой волшебный, блестящий удел —
Понимать красоту и будить разнородные чувства!

Взор пылает огнем, он так бодр и могуч,
Ты гордишься, как зодчий великий,
И в созданных своих, многоликий,
Ты поднимаешься вверх, в царство солнца и туч!

О поэт! Наша кровь так струится и бьется, —
Неужели над нами Центавр посмеется,
Неужели и нас он одеждой своей отравил, —

Трижды страшной и кровью змеи напоенной,
Той змеи, что потом Геркулес просветленный
В колыбели руками, шутя, задушил?

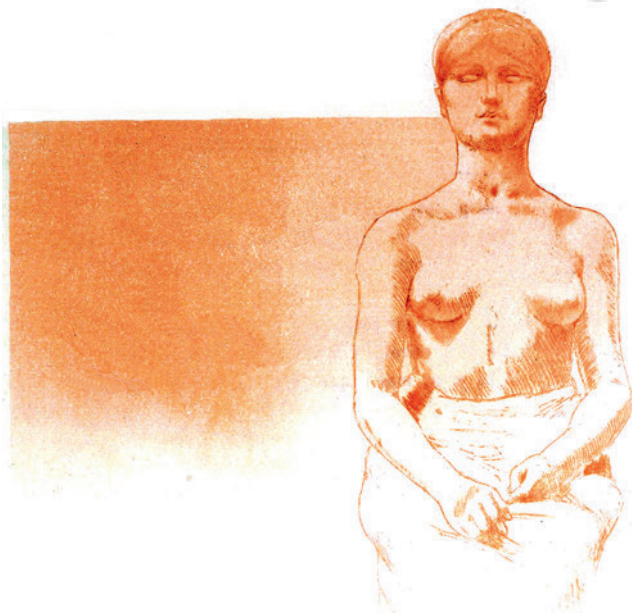
XVII. КАРА ЗА ГОРДОСТЬ

В далекие, былые времена,
Когда наука о богах была сильна, —
Как говорят, один, со званием мудреца,
Завоевал простые робкие сердца.
Он их глубоко сильно взволновал,
И перейдя границы всех начал,
Пошел на путь неведомо-прекрасный,
Где Разум лишь царил холодный и бесстрастный.
И вот, когда вершины увидал, —

Он с сатанинской гордостью кричал:
«О, Иисус, Тебя легко мне победить
И, сбросив вниз, унижить и убить!
Позор бы твой со славою сравнялся,
И каждый над тобой глумился б и смеялся!»
Но вот, как солнца луч, внезапно исчезает,
Ученый наш рассудок свой теряет;
Бездонный хаос ум его объял,
Тот ум, который перлами сверкал,
Который, словно храм торжественный, стоял, —
Теперь погиб, молчит, упал,
Как склеп заброшенный, забытый.

И словно зверь израненный, избитый,
Теперь по улицам он бродит, по полям,
И в дождь, и в снег, по рощам, по лугам;
Идет... его одежды рвутся,
И дети все над ним глумятся и смеются.

XVIII. КРАСОТА

Я прекрасна, о смертный, как греза бесстрастная!
На груди моей были и слезы и кровь;
Я вдыхаю в поэта царицу-любовь,
Как природа, немую и властную.

Я в лазури, как сфинкс, в сне загадочно-странном
Задремала, и холод, и страсть в сердце слив;
Все движенья так гибки и стан так красив, —
Ни улыбки, ни слез на лице изваянном.

ХІХ. ИДЕАЛ

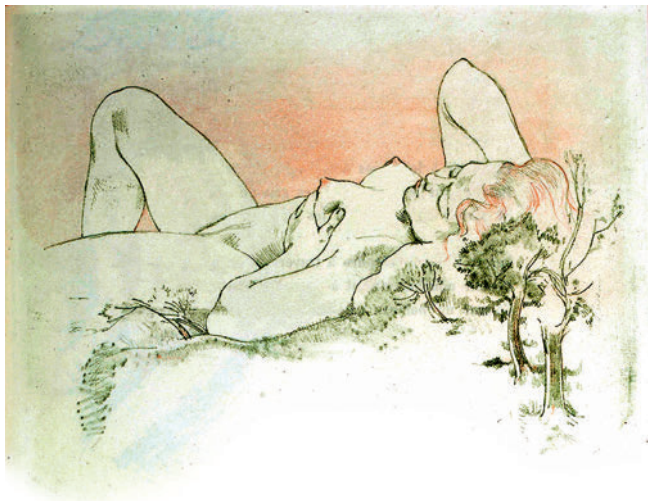
Нет, никогда красавица с картинки модной,
Рожденная пороком и развратом века,
Ты не прельстить меня своей душой негодной,
Но воскресишь во мне живого человека.

Ваш Гаварни — дев немощных поэт,
Для вас одних он лирою бряцал;
Средь бледных роз не может быть, и нет
Пунцового цветка, — но он мой идеал.

Чтоб в сердце у меня всю силу разбудить,
Преступной леди Макбет надо быть,
Или мечтой Эсхила воплощенной, —

Иль, ночью, дочь Микеланджело,
Которая зовет и трепетно, и смело,
Когда ее берет Титан влюбленный.

XX. ВЕЛИКАНША

Природа когда-то рождала гигантов-детей;
В эти дни у ног великанши прекрасной
Я хотел бы ютиться, и в очи заглядывать ей,
Словно кот похотливый и страстный.

Я хотел бы следить, как ее развивается тело
И как крепнет душа и цветет,
Как в очах то вдруг пламя загорится смело,
То холодный туман, поднимаясь, растет.

Я бы бегал по формам ее и играл завитками
кудрей,
На огромных коленях лежал, как меж горных
цепей;
Иль порой, в жаркий полдень, когда поднимаются
тени,

Я б ее положил, истомленную, в поле ничком,
И на грудях ее, полный неги и лени,
Позабылся спокойным и радостным сном.

XXI. МАСКА

*Аллегорическая статуя во вкусе Ренессанс.
Эрнесту Христофору, скульптору*

Вглядитесь в этот перл Флоренции прекрасной!
Смотрите, как она волнуется, живет,
Как вся она полна волшебной неги страстной,

Как женщина в ней манит и зовет.
Она глядит на вас чарующе и смело,
К ней власть и деспотизм идет,
И лишь для ласк царей дрожит такое тело.

С чела струится свет, и блески смеха льет,
Рот искривлен воздушно-чувственной улыбкой,
Она — экстаз, и вся огнем горит,
И взгляд ее дрожит, насмешливый и зыбкий;
В ней каждый штрих победно говорит:
«Я — страсть, меня Любовь венком своим венчает!
Как совершенство, рождена она великою мечтой,
И нежностью пьянит, и властно возбуждает;
О, будем упиваться этой красотой!
Но — проклятье! Несчастье, посланное нам
судьбой:

Такая женщина, с таким роскошным телом,
Закончена вверху двойною головой!

Но нет! — то маска лишь; в порыве смелом,
Художник скрыл свое изображение; —
Смотри: вот тут лицо и нежный чудный взгляд,
Который полон жизни и движенья,
Без лжи, гримас, в котором страсти яд.
О красота несчастная! И я с тобой рыдаю,
И я хочу смешать мое рыдание с твоим!
Я грустью глаз твоих страданье утоляю
И боль, и ложь топлю я вместе с ним!
Да, но о чем она так горестно рыдает?
Она, что покорила всех людей, —
Какая боль ее так тяжело поражает?

И отчего так грустно бедной ей?
— Она скорбит ужасно. Бесконечно,
Скорбит о том, что жить осуждена
Всегда, сегодня, завтра, вечно,
Как я, как мы! Нам свыше жизнь дана!

XXII. ГИМН КРАСОТЕ

О Красота! Откуда ты, из ада, иль с небес?
Твой адский взор горит божественным огнем,
Ты нам даришь восторг таинственных чудес
И опьяняешь нас своим вином.

В твоих глазах слились и Запад и Восток;
Ты вся полна сиянья, боли, зноя;
Твой поцелуй, как бездна, сладок и глубок, —
Ребенка превращает он в героя!

Ты из пучин или со звезд явилась?
Сам Сатана в тебя без памяти влюблен;
И ты над Миром властно воцарилась, —
Тебе безропотно весь покорился он.

Идешь по трупам ты с надменной улыбкой,
Всех на пути своем пленяя и губя,
И стан твой трепетный и гибкий
Ласкает Смерть, тебя любя.

На свечку мотыльки с размаха налетают, —
Горят в огне они, судьбу благословляя;
Любовники в объятьях замирают,
Не чувствуя, что Смерть их ждет, подстерегая!

О Красота! Откуда ты, — не все ли мне равно!
Чудовище волшебное! Я всюду за тобой, —
Открой мне дверь желанную давно,
Дверь неизвестного, возьми меня с собой!

Ты Сатана иль Бог, ты Ангел иль Сирена, —
Мне все равно; огонь в твоих очах,
Свет, счастье, музыка, восторг, морская пена...
Царица Мира! — ты в моих мечтах!

XXIII. ЭКЗОТИЧЕСКИЙ АРОМАТ

Когда, замуривши глаза, осенним теплым
вечерком
К груди твоей прильну я страстной и мятежной, —
Я уношусь в далекий мир фантазии безбрежной,
Где солнца луч играет с ветерком.

Там чудный остров в лени утопает,
Там редкие плоды, деревья и цветы,
Красивы люди там, и ярки их мечты,
И женский взгляд так много обещает.

Твой аромат меня совсем пьянит...
Я вижу гавань, мачту; парус спущенный висит, —
Он от пути морского отдыхает;

Из тамаринной рощи запах вьется тонкий,
Он обонянье мне так сладко раздражает;
И вдалеке моряк выводит песню звонко...

XXIV. ВОЛОСЫ

Руно ароматное вьется, до плеч опускаясь,
И небрежно откинута локоны властной рукою
назад;
В этом дивном алькове туманные тени, сплетаясь,
Словно призраки прошлого, тихо встают,
опьяняясь,
И меня опьяняя, клубятся, блестят и дрожат.
Томность Азии, знойность Сахары, весь мир
необъятный,

Красота отжитых, в даль ушедших, могучих веков, —
Все опять воскресает в пучинах волны ароматной
И звенит, словно музыка в час

переходно-закатный;

И я снова во власти любви и ликующих радостных
снов!

Я во сне унесусь в ту страну, где все дышит весной,
И где люди под солнцем палящим живут.
Косы черные, будьте той светлой волной,
Что захватит меня, заласкает мечтой!..
Так скорей, — паруса уже ждут!

В гавань! К свету! Вперед! Пусть душа отдохнет;
Там волна ее лаской своей освежит;
Пусть мой быстрый корабль мою душу несет
К счастью, к славе, к победе зовет, —
К небесам, где палящее солнце горит!

Погрузив свою голову в волосы, в сладком
забвеньи

Я вдыхаю их черный густой аромат;
Ум мой спит, и в дыхании ласки, в волненьи
Я дрожу, я безволен, я весь в опьяненьи, —
Эти волосы жгут, отравляют, пьянят!

Они черные, тонкие, крепкие сети,
Но сквозь них мне сияет лазурь и закат,
И когда я целую волшебные локоны эти, —
Я тону в лучезарно-живительном свете, —
А они целый рой ароматов струят.

И я долго, всегда, буду перлами их украшать,
Изумрудами, жемчугом их убирать,
Буду их рассыпать, собирать, целовать,
Буду в них зарываться и сладко дремать!
Разве ты не единственный родник, где я жажду
могу утолять?

XXV

Я тебя обожаю под кровом ночным,
О, сосуд моей грусти, ты мною любим!
И чем ты избегаешь меня все сильнее и сильнее, —
Тем дороже ты мне, ты отрада моих одиноких
ночей;
Чем ты злее смеешься, всегда ускользя, —

XXVI

Ты хотела б весь мир на кровати
своей поместить,
О беспутница! Скуке одной
суждено в тебе жить.
Каждый день нужно сердце тебе,
чтоб над ним поиграть,
Чтобы мучить его и жестоко
томить и терзать.
Твои очи продажные нагло,
нахально горят,
Словно факелы оргий они
сладоэрастно блестя.

XXVII. SED NON SATIATA

Волшебная богиня, темная как ночи, —
Ты благовонная, как мускус, как сигары дым,
Свободная, — простор тобой любим,
Колдунья вещая, дитя немой полночи.

Ты мне дороже опия, моих ночных мечтаний,
Дыханье страстное твое меня пьянит,
Ты чувствуешь, — во мне огонь любви горит, —
Гляжу в твои глаза, — и нет моих страданий!

Из этих черных глаз, о демон бессердечный,
Не лей в меня твой яд, твой пламень бесконечный, —
Ведь я не Стикс, чтоб вечно страстным быть.

Нет! Чтоб глаза твои так жадно не смотрели,
Я должен, чтоб тебя, Мегера, утомить, —
Быть Прозерпиною в аду твоей постели!

XXVIII

Когда в одеждах трепетно-волнистых,
Как бы танцую вся, она легко идет, —
То, кажется, что змей блестящих и струистых
Волшебной палочкой факир к себе зовет.

Как небо и песок в пустыне опаленной,
Она бесчувственна к страданиям людей;
Как зыбь морской волны устало-полусонной,
Она горда в бесстрастности своей.

Ее глаза блестят, как минералы;
В ее натуре странно-символичной
То ангел нежный, то, вдруг, Сфинкс античный.

Вся золото, вся сталь и яркий блеск кристалла;
Она звездой горит и свет холодный льет,
И вечно, как весталка, гордая живет.

XXIX. ТАНЦУЮЩАЯ ЗМЕЯ

Как люблю я, милая шалунья,
Твое тело юное, прекрасное!
Словно месяц блещет в новолуны
Твоя кожа мягкая, атласная.

Твои волосы, рукой искусной взбитые,
Аромат пьянящий льют, —
Словно волны, волны черные, сердитые,
Бесконечные, — струятся и текут.

Как корабль с зарею отправляется,
Подгоняемый рассветным ветерком, —
Так мечта моя к лазури поднимается,
Озаренная небесно-светлым сном.

Ничего в твоих глазах не отражается,
Ничего, — ни счастья, ни тоски;
Только в них порой сверкают и мешаются
Золотые и стальные огоньки.

И когда идешь ты плавно, и целует
Солнца луч кольцо твоих кудрей, —
На змею, которая танцует,
Ты похожа гибкостью своей.

И твоя головка вся в истоме сладкой,
Наклоняясь как у малого ребенка,
Оттеняет шейку тонкой нежной складкой,
Как у юного, заснувшего слоненка.

Твое тело, наклоняясь, удлиняется,
И похоже на корабль плывущий;
Беспреданно он в пучину погружается,
И ласкает вал его бегущий.

Как ручей весною с гор крутых несется,
Если снег вдруг таять начинает, —
Так, когда ты пьешь, твой ротик разожметсЯ,
И сквозь зубы воду выпускает.

И когда ты пьешь вино, которое сверкает,
Чистое богемское вино, —
Все тогда огнем в моей душе пылает, —
Мне мою кровью кажется оно!

А там, за камнями, собака от страха не может
Обед продолжать, и со злобой за нами следит;
Она испугалась, притихла и больше не гложет
Зловонное мясо, которое рядом лежит.

Так, о ужас! И ты, как тот труп разлагаясь,
Загниешь, и застынет горячая кровь!
Ты, звезда моих глаз, ты блистишь для меня
загораясь,
Ты мой ангел, моя золотая любовь!

Да, и ты будешь тем же, царица изящества, неги;
Смерть на век нас разлучит с тобой;
Зацветут над могилой цветы, задрожат молодые
побеги,
И разложится труп под землей.

И тогда, дорогая, червям, что глотать тебя будут.
И, целуя, терзать твоё чудное тело,
Расскажи, что мой ум и душа никогда не забудут
Той любви, что во мне, в моем сердце горела!

XXXI. DE PROFUNDIS CLAMAVI

О, сжался надо мной! Так не могу страдать я.
К Тебе взываю я, весь любящий, покорный;
Душа моя скорбит в пучине мрачно-черной,
Где серый горизонт и где висят проклятья.

Шесть месяцев там ночь ужасная царит,
Другие шесть — без теплоты в лучах
Бледнеет солнце, как в полярных льдах, —
Там все мертво, оттуда зверь бежит.

Нет в мире ужаса, который так пугает,
Как это солнце-лед, когда оно сверкает!
И ночь страшна, как Хаос первозданный.

Я всем завидую, я стал какой-то странный;
Зверям завидую, — у них спокойный сон;
А время, как клубок... О, бесконечен он!

XXXII. ВАМПИР

Ты вошла в мое сердце, как в тело
Входит острый и тонкий клинок;
Ты сильна точно демон, и смело
Ты царишь, словно грех и порок.

Завладевши моею душою,
Красотой ты сковала меня;
О вампир, — я навеки с тобою,
Словно каторжник, цепью звеня!

Как игрок неразлучен с игрой,
Как пьянчужка с вином, —
Так мы вместе с тобой,
О проклятый вампир, неразлучны вдвоем!

Яд всеильный, сверкающий меч
Я просил мне свободу добыть,
Я хотел снять оковы с израненных плеч,
И хотел не любить, позабыть...

Но, увы! Яд и меч мне с презреньем сказали:
«Нет! Такие как ты будут в рабстве всегда,
Не горюй, — все равно не избежать печали,
И свободы тебе не видать никогда!»

Все равно, если б даже оковы той власти,
Ты мечом или ядом волшебным убил,
О безумец, — ведь силою огненной страсти, —
Труп вампира тебя бы опять покорил!»

XXXIII

Словно труп помертвельный, бесстрастный,
Ночью, раз, я с еврейкой ужасной лежал;
Рядом с телом продажным ее я о ней же мечтал;
Ведь она бы могла быть и пылкой и страстной.

Вот я вижу ее: — как царица могучая, смелая, —
Взгляд пылает, и негою очи горят, —
Ее волосы черные льют аромат,
И она вся от страсти дрожит онемелая.

О, как я бы такую тебя полюбил!
Как бы всю целовал, всю от ног до чернеющих кос, —
Я бы в ласках тебя утопил, на вершины вознес, —

Если б раз только холод я твой растопил,
Унеся тебя в царство мечтательных грез,
Если б раз увидел чистый блеск твоих слез!

XXXIV. ПОЗДНЕЕ УГРЫЗЕНИЕ

Когда ты в склепе, под тяжелой мраморной плитой,
Навек, красавица печальная, заснешь, —
То там ты роскоши обычной не найдешь, —
Ведь это просто ров холодный и сырой;

И памятник тебе твою отдавит грудь,
Мешать он будет сердцу биться и желать;
И будешь вечно ты недвижимая лежать, —
И ножкам не узнать богатый жизни путь.

Могила, вечная наперсница поэта,
(Она всегда его мечтанья понимала),
В глухую ночь, без сна и без рассвета,

Тебя вдруг спросит: «Что, — теперь узнала
Твоя душа, что и мертвец страдает?»
— И совесть, словно червь, тебя всю истерзает.

XXXV. КОТЕНОК

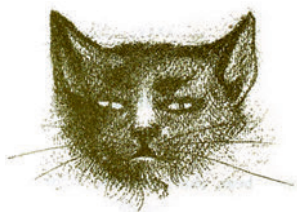
— Киска, милая киска, — зовет мое сердце
влюбленное,

Спрячь свои коготки и не злись;
Дай в глаза мне твои заглядеться бездонные,
Где металл и агат так слились.

Когда мои пальцы любовно лежат
На головке и спинке твоей,
И светлые искры из шерсти летят,
Блестя переливом огней, —

Тебя, мое счастье, я вижу в мечтах...
Как ты холодна и красиво спокойна!
И жало в твоих непонятных глазах...

Как ты горяча, непокорна и знойна, —
И стан твой и смуглый, и чистый
В волне ароматно-душистой.

XXXVI. ПОЕДИНОК

Друг против друга два соперника стоят;
Оружие скрестили, — вот уж брызжет кровь.
Жестокая игра! Они убить хотят
Один другого. О, сильна любовь!

Пусть сломаны мечи, как юность молодая, —
Есть ногти, зубы острые, чтоб продолжать борьбу;
Их обуяла страсть безумная, слепая, —
И вот они сошлись, — чтоб испытать судьбу.

Сдавив друг другу горло крепкими руками,
Герои катятся, — в глухой овраг летят, —
И колет их терновник острыми шипами.

Та пропасть — ад для них, где души их горят...
О, женщина бездушная, — над бездной той летай,
И нашу ненависть навеки увенчай!

XXXVII. БАЛКОН

Царица из цариц, о мать воспоминаний!
О ты мой светлый луч! О ты мой дивный сон!
Ты помнишь ли восторг струившихся желаний?
Ты помнишь, как горел закатный небосклон?
Царица из цариц, о мать воспоминаний!

Да... вечера, когда в камине угли догорали!..
Иль вечером... весь розовый балкон...
Я грудь твою ласкал, сердца у нас дрожали,
Мы говорили тихо, тихо, как сквозь сон...
Да... вечера, когда в камине угли догорали!..

Пылали вечера в багрянце раскаленном...
Какая ширь кругом! Твои глаза пьянят! —
Ты видишь здесь меня коленопреклоненным, —
Я тела твоего вдыхаю аромат!
Пылали вечера в багрянце раскаленном...

Спускалась ночь, как черная вуаль...
Твои зрачки сверкают и горят;
Погасло солнце, потухала даль;
Я пил твои уста, о мой волшебный яд!
Спускалась ночь как черная вуаль...

Умею воскрешать я те минуты счастья...
Вот вновь себя увидел я у ног твоих...
Зачем искать в других порывы сладострастия
И красоту души, зачем искать у них?
— Умею воскрешать я те минуты счастья...

Вот средства: поцелуй, мольбы, духи, объятия, —
И вновь воскреснет все из бездны забвения, —
И буду целовать, любить, ласкать опять я,
Как солнце над волной зеленою блестя...
О страстный поцелуй, мольбы, духи, объятия!

XXXVIII. БЕСНОВАТЫЙ

Солнце туманною дымкой покрылось;
О луна моей жизни, и ты потускней!
Спи, кури на досуге, молчи, онемей,
Я хочу чтоб ты в бездну тоски погрузилась;

Я такую тебя полюбил; если хочешь, скорей
Отправляйся, — будь темной звездой, что блесит
В тех местах где безумье царит!
Дорогой мой кинжал, — эй, из ножен скорей!

Ты зажги свой зрачок у костров огневых,
В сердце людям вложи все желания их;
Ты — одна моя радость, одно наслажденье!

Будь чем хочешь, — хоть ночью, хоть алой зарей;
Я дрожу, я всегда в бесконечном стремленьи, —
И кричу: Вельзевул! Я люблю тебя всюю душой!

XXXIX. ФАНТОМ

I МРАК

В склепе печали моей бесконечной
Замурован навеки я злою судьбой;
Не проникнет ко мне солнца луч золотой —
В эту ночь, в этот мрак ужасающе-вечный.

Я — художник, которого Бог осудил
Рисовать в этом мраке таинственно-страшном,
Или повар, который, в своем аппетите ужасном,
Свое сердце, как мясо для супа, сварил.

Иногда предо мной появляется призрак неясный,
Милосердный, блестящий и ярко-живой,
Полный неги и знойной, и страстной;

Он блестит, все вокруг озаряя собой, —
И я гостью-красавицу в нем узнаю —
Ночь, — печальную радость мою!

II АРОМАТ

Ты вдыхал или нет аромат опьяняющий,
Тонкий, нежный и тихий, как сон, —
Аромат, своды храма собой наполняющий,
Или мускус, который в мечтанья влюблен?

Опьянения его так всеильны и властны,
Может он воскресить отжитую любовь, —
Как любовница он зажигает нам кровь, —
И мы в грезах становимся страстны.

Эти волосы, гибкие, словно цветы,
Аромат от алькова волною струится,
И еще, и еще, и бывшее опять серебрится...

Бархат платья ее вновь увидел здесь ты, —
Все полно обаяньем ее красоты, —
И тебя закачали, пленили мечты!

III РАМА

Как красивая рама картину собой оттеняет,
Пусть хоть то полотно и само за себя говорит, —
Но она его делает ярче, свежит,
И сюжет выделяя, всегда освещает;

— Так она среди роскоши, блеска, камней, —
Выделяется редкой своей красотой,
Упивается счастьем и яркой мечтой, —
Жизнь лишь служит красивою рамою ей.

Она верит, что все, что ее окружает,
Восхищается ей и ее обожает;
Все в батисте, в шелку, в кружевах

Ее дивное тело дрожит и трепещет, —
И когда она смотрит, сверкает и блещет, —
Свежий детский задор в ее чудных глазах!

IV ПОРТРЕТ

Болезнь и смерть все обращают в прах,
И тухнет жизнь, которая сияла;
— Где блеск, сверкавший в трепетных очах.
Где то дрожанье губ, которое пленяло?

Где сила поцелуев, ярких словно свет,
Где мощь порывов бесконечно-страстных, —
Где, где они? Увы, — их больше нет! —
Остался ряд штрихов бесцветных и неясных!

И тот портрет, как я, всегда в уединеньи,
Тускнеет с каждым днем, и Время — злой старик
Своим крылом в безумном озлобленьи, —

Убийца жизни, — умерщвляет этот лик.
Слепец! — ты не убьешь во мне мечту о ней!
Она горит во мне, как яркий блеск лучей!

XL

В своих стихах я о тебе пишу, мечтая,
Что их слова меня переживут,
Что люди, может быть, когда-нибудь поймут
Твой светлый образ, дорогая.

Что он читателю, как песенка простая,
Понравится, как нежных гуслей звон, —
Что свяжет с ним меня и сблизит он,
Как крепкое звено, сердца соединяя.

И от пучин глубоких и бездонных,
До звезд небесных тускло-полусонных
Ты носишься, как призрак посреди планет!

Твой взгляд горит печалью и закатом;
И глупость смертных не страшит тебя, о нет, —
Ты ангел, и твои глаза горят агатом!

XLI. SEMPER EADEM

Спросили вы: откуда грусть моя взялась,
Широкая и сильная, как море...
Дитя, — когда печаль коснется вас, —
Как все, поймете вы, что жизнь сплошное горе.

Печаль для всех таинственно-понятна, —
Как ваша радость, всем она блестит;
О милая, — жизнь странно-необъятна!
Грустить не нужно, пусть ваш смех звучит!

Молчите, нежная кристальная душа!
Как в вас наивность эта хороша!
Но знайте, — больше жизни, смерть владеет нами.

Не троньте сердца моего, пусть это будет ложь, —
Хочу упиться ей; мир для меня хорош,
Когда люблюсь вашими глазами!

XLII. ВСЯ ЦЕЛИКОМ

Утром Демон ко мне вдруг явился, —
Он хотел меня сразу поймать,
Но ответ услышав, — удивился;
Начал так он: «хотел бы я знать,

Что средь прелестей юной колдуньи,
Той, что манит, чарует тебя, —
Что в проказах прекрасной шалуньи
Дразнит больше, сильнее тебя?»

Но мой ум недоступен смущенью,
И я демону так отвечал:
«Все в ней прелесть, восторг, упоенье,
Все в ней есть, чтобы я не желал, —

Вся она меня так обольщает,
Что я полон одною лишь ей, —
Как заря, она ярко сияет,
И дрожит, как дыханье ночей;

Гармонично красивое тело,
Недостатков в ней нет никаких,
И она так отчетливо-смела
В бесконечных изгибах своих!

Голос нежный струит аромат.
А дыханье, как музыка рая, —
И движенья ее так пьянят,
Как в приливе волна голубая!

XLIII

Что скажешь этим вечером, ты, робкая душа?
Что, сердце бедное, сегодня скажешь ты
Той, что так дивно, чудно-хороша,
Чей взор дарит тебе и грезы и мечты?

Заставим нашу гордость гимны ей слагать;
Нет слаще ничего ее оков-цепей;
Нельзя об этом теле не мечтать, —
Об этом блеске ангельских очей.

Пусть это будет ночью, пусть — в пустыне,
На улице, в толпе; но призрак той святости
Везде сияет мне волшебною звездой,

И говорит: «во имя твоего ко мне святого чувства,
Ты можешь увлекаться только Красотой:
Я Ангел твой, я Муза твоего искусства!»

XLIV. ЖИВЫЕ ОГНИ

Они горят передо мной, те очи, полные сиянья,
Их намагнитил Ангел мудрый и для меня он их
зажег;

Они мои родные братья, я полон весь их обаянья;
Они горят, они сверкают, струя в меня
лучистый ток.

Они меня всегда спасают от всех ошибок и грехов,
Ведут меня дорогой чистой, дорогой вечной
красоты,
Я весь их раб, — они мне слуги, и я не чувствую
оков;

Все существо мое покорно, — оно во власти
их мечты.

Как погребальный ряд огней, сверкаете глаза
прекрасные,
И все вокруг вы для меня сияньем ярким озаряете;
Ничто, ничто не затемнит те очи чудные
и страстные;

Ведь свечи прославляют Смерть, вы —
Пробужденье воспеваете;
Горите вы передо мной, всю душу лаской оживляя,
И ярче солнца, ярче звезд лучами дивными
сверкая!

XLV. НАОБОРОТ

Ангел радости, смеха, — ты знаешь ли муки,
Муки горя, проклятий, стыда, угрызений,
Или страхи тяжелых ночных сновидений,
Когда ночь простирает холодные руки?
Ангел радости, смеха, — ты знаешь ли муки?

Ангел счастья, — знакома тебе та ужасная злоба.
Что порой кулаки заставляет сжимать,
И слезами бессилья в безумьи рыдать,
Помнить горечь обиды до смерти, до гроба?
Ангел счастья, — знакома тебе та ужасная злоба?

XLVI. ПРИЗНАНЬЕ

Раз, один только раз, о женщина милая, славная,
Оперлась ты тихонько рукой о мою;
Но душа не забудет, моя своенравная,
Не забудет печальную душу твою.

Было поздно; на небе, как диск золотой,
Засверкала царица-луна,
И ночная прохлада струистой рекой
Над Парижем плыла, как волна.

Все покроется мраком и вечным налетом забвенья,
Свет в одной только Вечности ярко-хорош!>

И я часто теперь вспоминаю ту лунную ночь
задремавшую...

Эту тишь, эту даль уходяще-бескрайнюю,
Эту душу печальную, душу, покоя не знавшую, —
Эту исповедь сердца случайную.

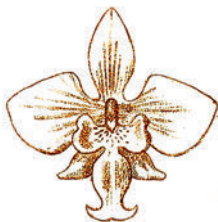
XLVII. НЕЖНЫЙ РАССВЕТ

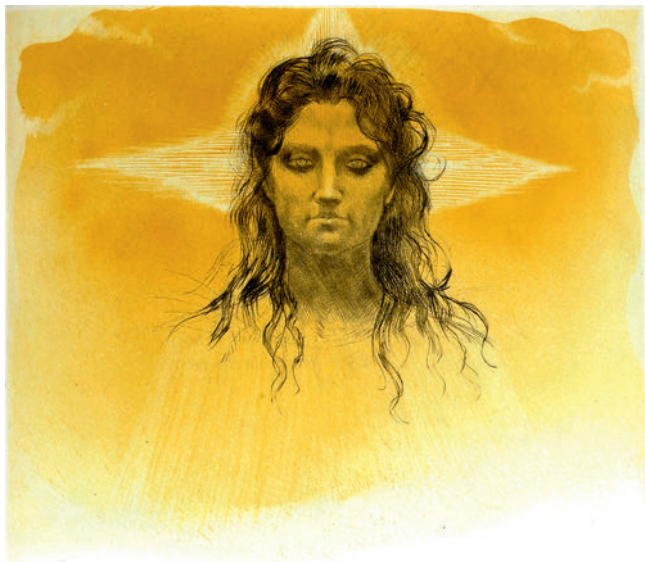
Когда рассвет белеюще-лучистый
Заглянет вдруг на оргию людскую, —
Страдают люди, плача и тоскуя, —
В них вдруг проснется дух сияющий и чистый.

Заря, богиня света и возврата,
Им небеса в сияньи открывает,
Но лишь для тех, кто грезит и мечтает
На этой оргии порока и разврата.

Перед моими бедными очами
Твой призрак светлый ярко заблестел,
Меня зовет он в высь манящими лучами...

И свет свечи от солнца потускнел.
О, да твой призрак — он меня согрел огнем, —
Я весь в его лучах, дышу бессмертным днем!

XLVIII. ГАРМОНИЯ ВЕЧЕРА

Настал тот час, когда на гибких стебельках
Цветы свой аромат струят, как дым кадила;
В природе все дрожит, в ней все заговорило,
И слышен нежный вальс, он потонул в мечтах!

Цветы свой аромат струят, как дым кадила,
Рыдает нежно скрипка о прошедших снах:
Вот слышен нежный вальс, он потонул в мечтах!
И небо на алтарь свой траур наложило.

Рыдает нежно скрипка о прошедших снах...
О сердце, — ты мечты свои похоронило!
И небо на алтарь свой траур наложило,
А солнце — словно кровь в трепещущих лучах.

О сердце, — ты мечты свои похоронило,
Мечты об отжитых, далеких, светлых снах,
А солнце — словно кровь в трепещущих лучах...
И грезы о тебе — как аромат кадила.

XLIX. ФЛАКОН

Ароматы есть, — повсюду проскользают,
Даже сквозь стекло свободно проникают.
Вот восточный ларчик, он с трудом открыт;
Он душистый, старый, в нем замок скрипит;

Шкаф в углу старинный пылью окружен,
И несетя запах — аромат времен;
Вот флакон забытый, память о былом, —
И встает былое, пережитым сном.

Тысячи мечтаний, дум кольцом летучим
Расправляют крылья в воздухе пахучем;

И кружась, витают, словно огневые, —
Яркие, далекие, близкие, родные.

Вот воспоминанья, — манят, опьяняют,
Вот сплелись, сомкнулись, лаской овевают;
Память к отжитому нас рукой толкает,
И душа над бездной плачет и страдает.

Над могильной бездной, где так мрачны тени,
Где смердящий Лазарь, ставши на колени,
Разрывает саван погребальный свой, —
Ожил он теперь и телом, и душой.

И когда исчезну я с лица земли,
И как тот флакон разбитый и в пыли.
Никому не нужный, грязный и пустой, —
Затеряюсь быстро в памяти людской.

Буду мрачным склепом для тебя тогда я,
О мой сладкий яд, отравя дорогая,
Вся ты создана из блеска и лучей,
Ты и смерть моя, и свет моих очей!

Л. ЯД

Вино превращает лачугу ужасную
В роскошный дворец,
Над которым сияет алмазный венец,
Окутанный дымкою красною,
Как солнце, когда умирает оно, утомясь наконец.

Опий нам Вечность в мечтах открывает,
И нет надоевших границ;
Волшебным сверканьем и блеском зарниц
Он время и страсть углубляет, —
И бедные души вдруг станут похожи на птиц.

LI. МУТНОЕ НЕБО

Говорят, что твой взгляд затуманен печальной
мечтой,
Что глаза полны тайны, (но цвет их не знаешь
какой!)
Взор твой нежный то кроток, то вспыхнет огнем,
То опять побледнеет, и небо качается в нем.
Ты, конечно, видала туманные дни, как вуалью
покрытые;
Сердце плачет тогда, воскресают в нем муки
забытые;
В эти грустные дни ум и воля как будто бы спят,
И несчастную душу разбитые нервы сверлят.

Ты похожа порой на такие печальные дни, —
Как они зажигаешь ты в сердце глухие огни;
Но не скрасят они, не осветят пейзажа, —
В эти дни солнце прячется даже.

Ты опасна, как климат страны, где то холод,
то нега;

О, сумею ли я полюбить эту странную холодность
снега?

О, сумею ль извлечь из зимы бесконечно-ужасной
Я дары ее тайны могучей, всеильной и страстной?

ЛП. КОШКА

I

Чудная кошка гуляет в мозгу у меня,
Как будто в покоях своих, —
И звук ее голоса мягок и тих,
И слышен он лишь для меня.

Тихонько и нежно мурлычет она,
И голос ее бесконечно-красив,

Спокоен ли он, или грозно-ворчлив, —
И вся она тайны какой-то полна.

Тот голос течет и струится волной,
Дрожит, отражаясь в моей глубине,
Как стих озаряет он сердце во мне,
Меня опьяняя мечтой;

Все злое умеет во мне усыплять,
Все чувства умеет всегда разбудить,
И мысли мои чтоб ему победить, —
Не нужно словами меня покорять.

И нет больше в мире другого смычка,
Который бы сердце заставил дрожать,
Заветные струны во мне зазвучат,
Коснувшись их нежно, слегка, —

Как голос той кошки волшебный, звенящий,
Той кошки таинственной, милой и странной,
Той ангела-кошки родной и желанной,
Как голос ее гармонично-манящий!

II

Ее пестрая шерстка струит аромат
Тонкий, нежный, такой,
Что хотел бы ее навсегда я оставить с собой,
Чтобы гладить те лапки, — они меня властно
пьянят.

Все она понимает головкой своею, —
Судит, думает, мыслит она обо всем,
И везде, словно в царстве своем,
Словно чудная, светлая фея.

Я люблю эту кошку, в нее я влюблен,
Я рассудок и мысли теряю,
Все покорно терплю и покорно страдаю,
Весь мечтаю о ней, упоен.

И я вижу: сверкает сияньем огней
Пламя в бледно-зеленых глазах,
И я вижу опалы в горящих зрачках
У прелестной кисурки моей.

ЛШ. ПРЕКРАСНЫЙ КОРАБЛЬ

Хочу тебе я рассказать, царица властная души
мой,

О дивных, чудных перлах юности твоей;

Я красоту твою хочу нарисовать;

В ней, кроме детства, стал я зрелость замечать.

Когда идешь ты, юбкою широкой воздух рассекая,

То он тебя ласкает, как корабль волна морская,

Как парусный корабль, готовый выйти в море;

И плеск волны, и лень в твоём усталом взоре.

На шейке мраморной, на полных трепетных плечах
Качается головка в пышных волосах;
И ты идешь, сверкая и блестя, —
Идешь прекрасное, венчанное дитя.

Хочу тебе я рассказать, царица властная души
моей,

О дивных, чудных перлах юности твоей;
Я красоту твою хочу нарисовать;
В ней, кроме детства, стал я зрелость замечать.

Покрыта грудь твоя атласной мягкой кожей,
Она на шкаф, на драгоценный шкаф похожа, —
В нем выпуклые плоскости блестят,
Как два щита широкие, они дрожат, горят;

На тех щитах две розовые точки округлились,
За ними, там в шкафу, там все богатства скрылись,
Вино, ликеры, ароматы...
При виде их и сердце, и душа безумием объаты!

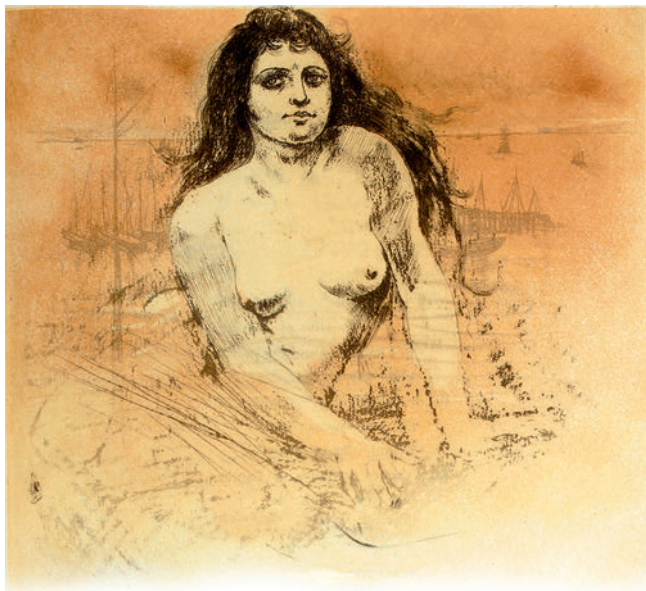
Когда идешь ты, юбкою широкой воздух рассекая,
То он тебя ласкает, как корабль волна морская,
Как парусный корабль, готовый выйти в море;
И плеск волны, и лень в твоём усталом взоре.

Две ножки чудные в оборках утопают,
Пьянят, томят, желанья возбуждают;
Они таинственны, как две колдуньи,
Когда те варят зелья ночью, в новолунье.

А руки тонкие, как два борца сплетаясь,
Как два удава, вьются, размыкаясь,
Чтоб мучить и душить
Того, кого захочешь ты внезапно полюбить.

На шейке мраморной, на полных трепетных плечах
Качается головка в пышных волосах;
И ты идешь, сверкая и блестя,
Идешь прекрасное, венчанное дитя!

ЛИV. ПРИЗЫВ К ПУТЕШЕСТВИЮ

Моя сестра, мое дитя!
На крыльях грезы улета, —
Мы будем там вдвоем с тобой
Жить и пылать,
И умирать —
В стране, где все блестит мечтой;
Там солнце влажное горит,
И небо нежное глядит;
Пьянит, чарует этот взгляд
Твоих очей;

В душе моей
Твои рыдания дрожат.

Туда, туда, — там красота,
Желанье, страсть, покой, мечта!

Там мебелью, коврами,
Лежавшими годами,
Жилище убирая,
Гирляндами украсим,
Его цветами скрасим,
Их аромат вдыхая.
Кругом зеркал сверканье,
Как яркое сиянье, —
Всей роскошью восточной
Блестит и отливает;
Душа здесь не страдает,
Не думает о ночи.

Туда, туда, — там красота,
Желанье, страсть, покой, мечта!

Смотри, — на рейде, там вдали,
Стоят большие корабли,
Ласкает их волна, качает;
Они пришли, чтоб в этот час
Взять, увезти с собою нас
Туда, где счастье нам сверкает.
Садится солнце, умирая,
Своим закатом озаряя
Поля, долины, город, лес;
Оно все желтым освещает;

И мир усталый засыпает,
И все вокруг полно чудес.

Туда, туда, — там красота,
Желанье, страсть, покой мечта!

LV. НЕПОПРАВИМОЕ

I

Возможно ли не думать о былом, не зная страха
угрызений,
Который гложет нас, как черви труп?
Как гусеница точит под покровом свежих веток,
тени,
Тихонько точит крепкий дуб.
Возможно ли не думать о былом, не зная
тоскливых угрызений?

В чаду каких страстей, в каком вине, в какой траве
чудесной

Мы сможем уничтожить угрызенья в нашем «я»?

Жадней они, опасней куртизанки наглой
и прелестной,

Усердней, терпеливей муравья.

В каком вине забвенью нам, в какой траве чудесной?

О, если знаешь ты, — скажи, колдунья юная,
прекрасная,

Ответь душе тоскующей моей,

Она, как рана, вся кровавая, сплошная, страшная,

Как рана от копыта бешеных коней.

О, если знаешь, — то ответь, колдунья юная,
прекрасная!

Душа моя на труп похожа; и чует волк добычу
для себя,

И ворон кружится над нею;

О воин раненый, осталась ли надежда у тебя

Лежат под насыпью могильною своею?

Душа моя на труп похожа; и чует волк добычу
для себя!

II

Случайно я раз увидал в балагане дурачком,
Где дикий оркестр завывал и гремел,
Волшебную фею; она зажигала на небе темнеющем,
адском
Свет нежной зари; этот свет в ее взоре блестел.
Случайно я это все видел в одном балагане
дурачком.

Ее существо было сплошь из эфира, сиянья и газа,
И Дьявола сразу она покорила;
О сердце мое, никогда ты не знало экстаза,
Но фею волшебную ты полюбило!
И вечно, и тщетно ты ждешь эту фею из газа!

Оставь его; оно как замок старый, тайный
и ужасный,
В нем убивают, мучат, — слышен смех!
А ты... вокруг твоей волшебной шейки — аромат
неясный.

О красота, жесток твой бич для тех, кто знает грех!
Прошу тебя огнем твоих очей, сиянием восторга
твоего:
О, уничтожь, сожги остатки сердца моего!

LVII. ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ

I.

Застынем скоро мы в снегу, во льду холодном;
Прощайте свет, тепло и роскошь летних дней!
В лесу стучит топор по соснам благородным,
И дровосек швыряет их рукой своей.

В меня войдет зима, — я буду полон ею;
Дрожь, холод, гнев, забота, тяжкий труд,
Как солнце полюса туманностью своею, —
Они мне сердце заморозят, изорвут.

Вот с дрожью слышу я как падают поленья;
Мне кажется, что где-то строят эшафот...
Мой бедный ум замолк, он весь в оцепенении,
Его ударами глухими кто-то бьет.

Я весь во власти этих звуков монотонных;
Мне кажется, что гроб сбивают где-то там...
Скончалось лето! Осень в грезах полусонных, —
И стук, как Requiem, несется к небесам.

II.

Люблю разрезы и сиянье ваших глаз зеленоватых;
Но, дорогая, для меня сегодня все ничто,
Все, — ваше чувство, блеск картин и этих рам
богатых...

Нет, — солнца, моря, не заменит мне никто!

Но все же, сердце нежное, любите вы меня!
Как любит мать ребенка глупого и злого;
Любовница ль, сестра, — вы радость для меня, —
Вы осень в зареве заката золотого.

Конец! Могила ждет меня, жадна, неумолима...
Я головой хоть раз склонюсь к вам на колени,
И буду я мечтать что лето возвратимо...
О чудная нора тепла, сиянья, лени!

LVIII. МАДОННА

(В испанском вкусе)

Тебе хочу воздвигнуть я, владычица Мадонна,
Из слез моей тоски, которая бездонна,
Алтарь в душе измученной моей;
А из моих мучений и скорбей,
Там, в глубине сердечной боли и страданий, —
С эмалью нишу, всю из золотых сверканий;

И из стихов моих звенящих, как металл,
И чистых, как звезда, как голубой кристалл, —
Тебе огромную сплету корону я,
О смертная Мадонна, о любовь моя!
Из ревности своей сотку я плащ густой,
Чтоб он скрывал тебя своею пеленой;
Украшу я его, как перлами, камнями, —
Моими чистыми и жгучими слезами;
Дрожащими желаньями я всю тебя покрою,
И ими, словно платьем трепетным, прикрою;
Мечтами я тебя, как сказкой, зачарую
И буду думать я, что всю тебя целую!
Сандалии из любви моей тебе сплету я,
На ножки чудные надену их, ликуя;
Они их обоймут, любовно заласкают,
И вечностью своей, и страстью засверкают.
И если не смогу при всем своем желаньи
Достать тебе луну в серебряном сверканьи, —
К ногам твоим швырну змею своих мучений,
Весь яд моей души, всю боль моих стремлений.
И ты их растерзай, победная царица,
Как змей терзает царственная птица!
Я мысли все свои зажгу, как ряд свечей,
Пред девственной царицею моей;
Пускай они горят, как звезды в небесах;
Я буду на тебя смотреть с огнем в очах.
О, все во мне поет! О, все полно тобой!
Куришь тебе я буду ладан и бензой.
И вот к тебе, вершине чистой, снежной,
Поднимется мой дух тоскующе-мятежный;

И, наконец, чтоб роль Мадонны заключить,
Чтоб варварство с любовью нежной слить,
И сладострастье с диким гневом,
А боль щемящую с напевом, —
Я выкую из всех семи грехов
Семь острых блещущих клинков;
И, как жонглер, чтоб показать искусство,
Найдя в твоей душе огонь и силу чувства, —
В твое трепещущее сердце их вонжу я,
И буду хохотать, пьянея и ликуя!

ЛІХ. ПОЛУДЕННАЯ ПЕСНЬ

Хотя твои зрачки пылают огоньками
И брови хмуро гнутся, странные на вид, —
Хотя в тебе не ангел — черт сидит,
Колдунья с чудными глазами, —

Но я тебя, шалунья, обожаю, —
Ты страсть безумная моя;
И вот, благоговение тая,
Я пред тобой колени преклоняю.

Как запах степи убегающей, бескрайней,
Твоих тяжелых кос струится аромат, —
Они на голове причудливо лежат, —
Ты вся полна загадки, лени, тайны;

От тела тоже нежный аромат струится,
Как от кадила светлый дым;
Как вечер, ты чаруешь трепетом своим. —
Ты, словно нимфа та, что страсти не стыдится.

О! Рай, любовь, нельзя сравнить
С изящною небрежностью твоей;
Одной улыбкой нежною своей
Ты мертвеца способна воскресить!

Твои же бедра влюблены
В изгиб спины и в блеск грудей;
Подушки пьяны кожей твоей;
И все движенья гибкости полны.

Чтоб страсть слепую укротить,
Даришь ты щедро поцелуи, —
Они, как трепетные струи,
Готовы сердце поглотить.

И вечно ты меня терзаешь,
Всегда смеешься надо мной, —
И только изредка, порой,
Глазами дивными ласкаешь.

И вот несу к ногам прекрасным.
К ногам богини Красоты,
Весь свой талант, покой, мечты
В чаду туманном и неясном.

Ты радость глаз моих, души, сознания, слуха, —
Ты свет, прорвавшийся сквозь мрак тяжелых туч,
Ты редкий, яркий, теплый луч
В Сибири моего больного духа!

LX. СИЗИНА

Представьте Диану в венской коляске прекрасной,
Или в роще на быстром и резвом коне, —
Волосы вьются по ветру, улыбкою

гордо-бесстрастной,

Губы подернулись; — свита мужчин в стороне.

Видали ли вы Теруань, влюбленную в войны,
Как она возбуждает толпу босоногих на бой?

LXI. СТИХИ К ПОРТРЕТУ ГОНОРИЯ ДОМЪЕ

Тот, чей ты видишь читатель портрет,
Чей талант услаждал нас годами,
Кто учил нас смеяться над нами,
Показав ослепительный свет, —

Это сатирик, — он жалит как яд;
Сила, с которой он зло понимал,
Форма, в которой его рисовал,
Нам о его доброте говорят.

В смехе его нет гримас и кривлянья,
Не Мефистофеля дух это, нет, —
Он холодным, но светлым сияньем одет
Истины, правды и знания.

Он смеется, и нас заражает собой,
Но сквозь смех слышны скрытые слезы;
В блеске этих лучей есть мечтанья и грезы,
И он полон своей добротой!

LXII. FRANCISCAE MEAE LAUDES

Хоть усталое сердце мое будет вечно страдать,
Все же новыми гимнами буду тебя прославлять;
О дитя! Ты резвишься, ты любишь играть.

И да будешь осыпана вся ты цветами,
Ты, о женщина, с ярко-святыми глазами,
Разлучившая нас с мировыми грехами.

Словно Лета нам счастье забвенья дарит,
Поцелуй твой меня ароматом пьянит,
Привлекая, он дразнит меня, как магнит.

И в годину разврата, несчастий и бед,
Когда больше ни правды, ни истины нет,
Ты сверкаешь для нас, словно трепетный свет.

Словно в бурю звезда, что горит морякам,
Ты сияешь в несчастьях и в бедствиях нам;
Я несу свое сердце к твоим алтарям.

И как рыбою пруд, ты полна добротой,
Ты источник, как юность живой, молодой, —
Возврати мне мой голос, — я жалкий немой!

Я так гадок, так низок, — сожги же меня;
Я так груб, неотесан, — смягчи же меня;
Я так слаб, я так дряхл, — укрепи же меня!

Ты, как пища, мой голод, всегда утоляешь, —
Ночью мрак для меня, как звезда озаряешь, —
Управляй мной всегда, как теперь, управляешь.

Ты, как баня душистая, силы нам дай,
Нас очисти, омой, опьяни, закачай,
Ароматными травами нас заласкай!

И от тяжких недугов ты нас исцели,
Всем молениям нашим смиренным внемли,
Унеси нас от грешной, развратной земли!

Засверкай, словно чаша для жертв золотая,
О Франциска, надежда моя дорогая!
Счастье, радость, вино и мечта голубая!

LXIII. КРЕОЛКЕ

В ароматной стране, где палящее солнце сверкает,
Где деревья, кусты и цветы утопают в горячих
лучах,
Где высокая пальма шумит и где арум багряный
пылает, —
Я креолку прекрасную знал с затаенною страстью
в очах.

Цвет лица у красавицы смуглой был знойный
и чистый,
Выступала она, как царица, горда и смела, —
И звенел ее голос, как трель соловья, серебристый, —
И улыбка ее как сияние солнца была.

Если б мог я похитить ее из страны той далекой
и знойной
И на Сену сюда перенести, иль на берег Луары
спокойной, —
О, была бы звездою она, и своей красотой поражала!
Задрожало бы сердце поэта, восторженулось,
запело бы вновь,
Вновь ему улыбнулось бы счастье, восторги,
любовь,
Вновь бы лира его в честь ее зазвучала!

LXIV. MOESTA ET KRRABUNDA

Скажи, твое сердце стремится порою, Агата,
Из мрачного Хаоса жизни тупой городской,
Туда, где блестит океан, где все ярко, богато,
И гордо своей неземной чистотой?

Скажи, твое сердце стремилось туда, дорогая
Агата?

О море, широкое море! Страдания ты утишаешь,
Как дьявол хохочешь ты, хрипый певец,
И словно орган, ты мелодией нежной ласкаешь.
О море! Пойму ль я тебя наконец?
Ты боль и страданья напевом своим утишаешь!

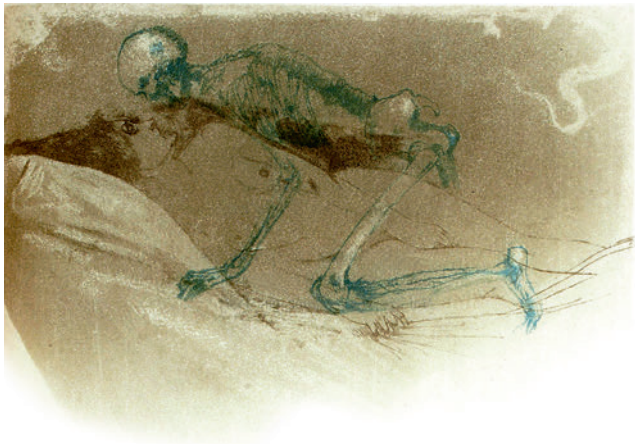
Вперед и вперед! Хоть в вагоне, на палубе узкой
фрегата,
Но только отсюда, — здесь в грязь превращают
рыдания!
Быть может, тоскуя, ты шепчешь порою, Агата:
«От боли и слез, от несчастья и муки страданья
Хочу унести я на палубе узкой фрегата?»

Но далек, бесконечно далек этот рай благодатный,
Где под сенью лазури все радость, восторг
и любовь,
И где любят лишь то, что достойно любви
необъятной,
Где спокойно и чисто волнуется кровь!
Он далек, бесконечно далек, этот рай благодатный!

Этот рай, — он рисуется детским и радужным
сном,
С беготней, с звонкой песней, с букетами роз
ароматных,
С нежной скрипкой, звучащей за низким холмом,
С вечерами в огнях разноцветно-закатных...
Этот рай, — он рисуется детским и радужным
сном!

Рай невинный и полный глубоких простых
наслаждений,
Неужели он дальше чем Индия, Ява, Китай?
О, нельзя ли его воссоздать и избегнуть тоски,
угрызений?
О, нельзя ли его воскресить, этот радостный рай,
Рай невинный и полный глубоких простых
наслаждений?

LXV. ПРИВИДЕНИЕ

Как ангел с грозными очами.
С ночными проскользну тенями
Бесшумно я к тебе в альков,
Придя из царства вечных снов;

Мой поцелуй луны бледнее
И льда, и снега холоднее
Тебя ужалит, как змея,
Смуглянка милая моя.

И вот, когда проснется утро, —
В лучах дневного перламутра
Я незаметно улечу.

Хотя тебя я не ласкаю,
И только страх тебе внушаю,
Но над тобой царить хочу!

LXVI. ОСЕННИЙ СОНЕТ

Мне говорят твои глаза, сверкая как кристалл:
«Любовник странный мой! О, чем тебе так дорога я?»
— Не любит сердце чистоты, не любит, дорогая,
Не знаю я ее совсем, и никогда не знал...

Молчи! Нет, нет! Я не хочу, чтоб тайну ты узнала...
О да, и я умел мечтать о тихой колыбели,
О песне нежной, — но теперь те грезы улетели;
Я ненавижу страсть, — она меня язвит, как жало.

О, будем тихо мы любить! Но нет, — Амур стрелу
берет,
Он хитрый, знаю я его, подстергать умеет, —
Лишь миг один — из сердца кровь струится
и краснеет!

Безумье, ужас, страх и боль! Ты, перлами сверкая,
Как солнце осени гори, — оно совсем не жжет.
О Маргарита, чистая и вечно-дорогая!

LXVII. ПЕЧАЛЬ ЛУНЫ

В этот вечер луна замечталась с улыбкой ленивой;
Так красавица ночью в постели уютной своей
Тихо гладит, ласкает рукою красивой
Контур нежных и полных грудей;

На атласную спину легла, вся восторг, красота
и томленье,

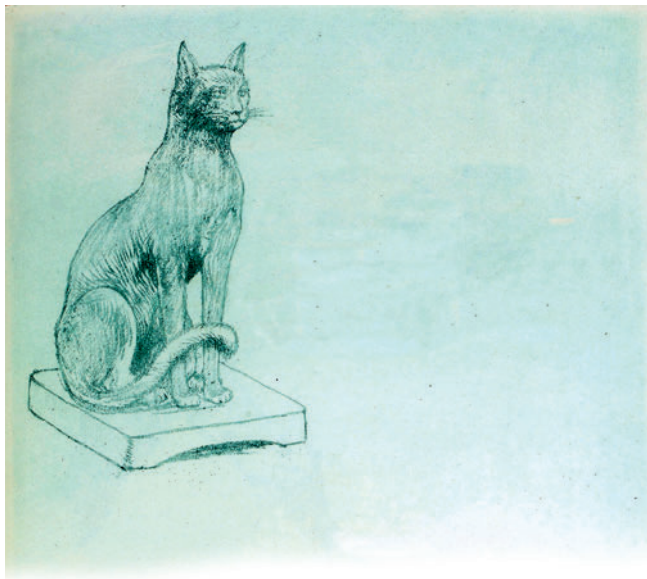
Замерла, и ее закачали мечты...

Пред глазами ее целый рой привидений
Поднимается к небу, как будто цветы.

Но порою рыдает и плачет с тоскою,
И текут эти слезы невольной рекою,
А поэт сладкозвучный, нелюбящий сна,

Собирая в руке эти слезы-кристаллы,
Эти нежные бледные слезы-опалы,
Их скрывает в душе, и она уж полна!

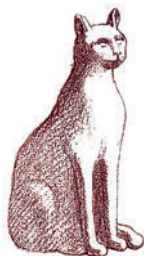
LXVIII. КОШКИ

Любовники юные, в седилах серебристых
Старцы и люди в преклонных годах,
Любят кошек с их нежным сверканьем в очах,
Домовитых зверьков, мягких, зябких, пушистых.

Мудрости вечной и страсти друзья,
Кошки ищут молчанья и тихого мрака ночей;
Мог бы взять их Эреб вместо мрачных коней, —
Но сломить их упрямство и гордость нельзя.

И когда они спят, позы их так изящно-красивы,
И, как сфинксы в Египте, они горделивы,
Неподвижны в своих бесконечных мечтах.

Из хребтов брызжет искрами трепетный свет,
И крупинки металлов и золота в их углубленных
зрачках,
Словно блеск неизвестных и новых планет.

LXIX. СОВЫ

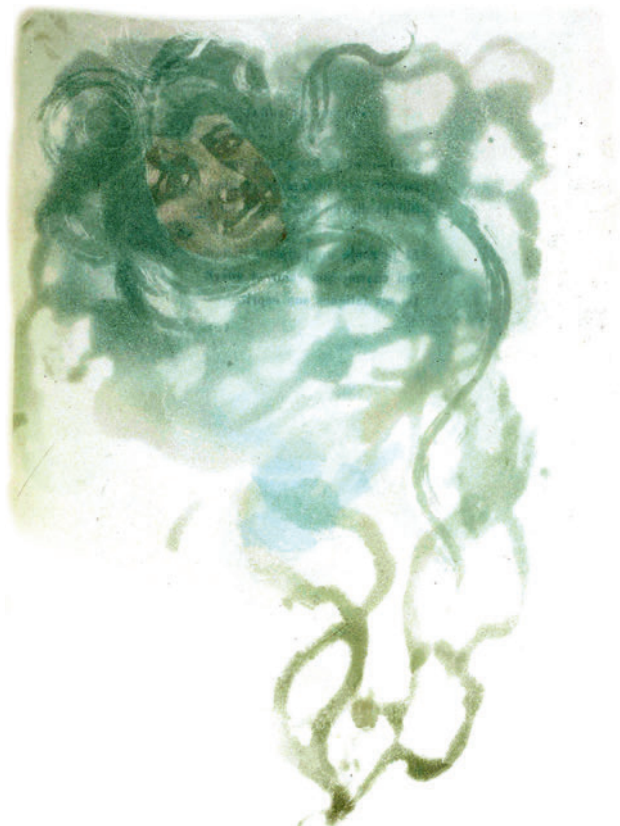
Под тенистою веткой тисовой,
Зрачки свои красные вдаль устремляя,
Недвижно рядами сидят, размышляя,
Как боги какие, — спокойные совы.

Так сидеть они будут весь день, дожидаясь,
Когда спрячется солнце вдали за горой,
Когда ночь воцарится над спящей землей,
Как кошмар на нее опускаясь.

Мудрым нужно покою у них поучаться,
И понять, что всегда мы должны опасаться
Шума, страсти, тревог, суеты.

Человек, увлеченный бегущей тенью,
Наказанье несет за порыв и мечты,
И за страсть, за любовь к искушенью.

LXX. ТРУБКА

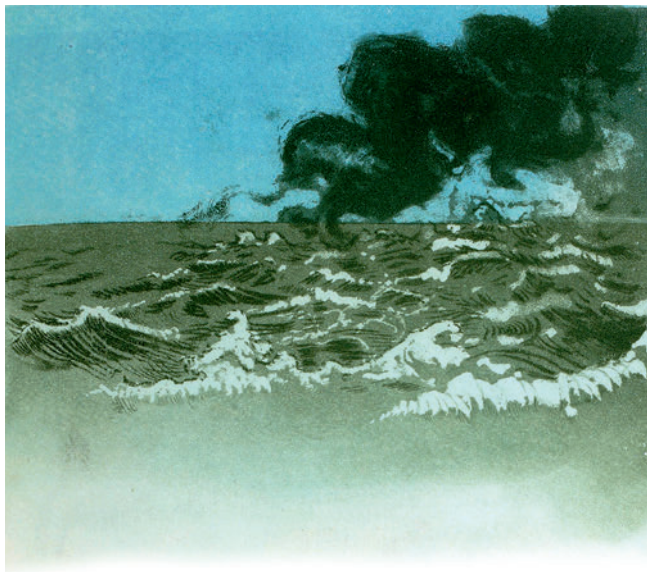
Суждено у поэта мне трубкою быть;
Мой камыш в Абиссинии стал зацветать;
И по внешнему виду не трудно сказать,
Что хозяин мой милый не прочь покурить.

И когда он грустит и тоскует порой,
Я дымлю, как простая печная труба,
Когда топится жарко в деревне изба
В ожиданьи хозяина, с поля домой.

Сетью тонкой я душу его оплетаю,
Этой сетью волнистой колдую его,
Я дарю ему пламя огня своего,

И в волнах аромата любовно качаю.
Он, усталый, с тоскою ко мне подойдет,
И во мне утешенье и ласку найдет.

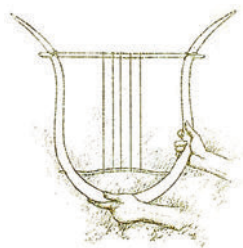
LXXI. МУЗЫКА

Музыка часто, как море, меня вдохновляет:
Я парю далеко, я не знаю, не чувствую где;
И полет мой свободный туманы вокруг рассекает,
И я мчусь к лучезарно-далекой звезде.

Мысли рвутся к далеким и светлым мечтам,
Сердце бьется, как будто бы вырваться хочет,
Я несусь по зеленым и грозным волнам,
Под покровом таинственным ночи.

Я несусь по долине сверкающей, звездной,
Все звенит и все стонет во мне, —
Только волны качают меня, как во сне,

Над морской зачарованной бездной!
Иль задремлет душа полусонная,
Как мечта и как штиль опьяненная.

ЛХХІІ. МОГИЛА ОТВЕРЖЕННОГО ПОЭТА

Если ночью холодной случайно придет,
Пробираясь тихонько, несмело,
Ближний твой, и тайком погребет
Где-нибудь твое бренное тело, —

В час, когда загорятся звезды блестящие,
На могиле твоей паутину паук заплетет,
Поселится гадюка шипящая,
И на дерне потомство свое разведет;

Будет вой над твоей головой раздаваться.
Приближаться к тебе и опять удаляться,
Вой голодных, свирепых и страшных волков;

Будут ведьмы к тебе на могилу слетаться,
Старики для попок своих собираться,
Будет пир и убийц, и воров.

ЛХХІІІ. ФАНТАСТИЧНАЯ КАРТИНА

Дикий призрак, он тощ, словно голый скелет;
Хоть корона на лбу, сам он гол, не одет;
Без бича он на кляче стремится вперед,
И тот конь — тоже призрак — копытами бьет,
Запыхался, и пар уж валит из ноздрей...
Но вперед и вперед! Все скорее, скорей!
Всадник этот и конь уже долго несутся,
Но, увы, все на месте одном остаются!

Саблей пламенной всадник свирепо махает
И толпу неизвестных существ рассекает;
Мчится он, словно принц, по обширным долинам,
Всюду чувствует здесь он себя господином;
И кругом привиденья далеких веков
Поднялись, словно рой, из могил и гробов...

LXXIV. ВЕСЕЛЫЙ МЕРТВЕЦ

В жирной и влажной земле, полной улиток и гнили,
Вырою яму себе; с мраком в потухших глазах
Кости я вытяну в этой сырой и холодной могиле, —
Буду в ней спать я спокойно, точно акула в волнах.

Тризны по мне не свершайте, пышных не надо
гробниц.

И надо мной не рыдайте, — слез не люблю я
людских;

Лучше к себе позову я воронов — царственных
птиц, —

Трупом своим накормлю я вкусно и досыта их.
Червь! — ты мой верный товарищ, черный, без
глаз и ушей,
Мертвец я веселый, — спеши мне навстречу
скорей,
Старый философ могильный, праха заботливый сын;
Ну, начинай же работу, — ты ведь теперь властелин!
Кстати, скажи-ка по дружбе: есть ли мученья сильней,
Чем с угасающим духом жить и страдать меж людей?

LXXV. БОЧКА НЕНАВИСТИ

Ненависть — это бездонная бочка Данаид;
Мщение в злобе безумной своей
Жадно к ним руки, шипя, простирает...
Ведро с слезами и кровью людей.

Демон сквозь скважины в пропасти видит и знает,
Мучатся бедные, мучатся тысячи лет,
Нужно грех искупить, — пусть же тело страдает,
Дух потом оживет, и увидит он свет.

Ненависть — пьяница, он уж в трактире живет,
И чем больше он пьет, жажда его бесконечная,
Словно Лернейская гидра, крепнет, шипит
и растет.

Пьяница может порой страсть победить свою
вечную,
Мирно свалиться под стол, — ненависть мучит
всегда,
Гложет, сосет, разрывает, нет ей конца никогда!

LXXVI. КОЛОКОЛ С ТРЕЩИНОЙ

И сладко, и больно в холодные зимние ночи сидеть
У камина, где уголь, краснея, горит,
И в прошлое взором усталым глядеть,
И слушать, как колокол где-то гудит.

Счастливы ты, колокол, с глоткой могучей,
Хоть дряхл ты, но гордым призывом объят,
И звон твой струится святой и певучий,
Как песня в палатке бывалых солдат!

Душа моя плачет, и сердце полно гробовою тоской,
И если б мне вздумалось песней рассечь этот холод
ночной, —

Мой голос охрип, и он петь бы не мог;

Как бедный солдат тот, которого Рок
Оставил на поле от ран умирать, —
Не может подняться и даже стонать!

LXXVII. СПЛИН

На всех и на все обозясь, дождливый январь
завывает,
Туманы и холод из урны со злобою льет;
На кладбищах спят мертвецы, и их он дождем
поливает,
А жителям бедных предместий он смерть
и болезни несет.

Мой кот на холодном полу подстилку себе отыскал,
Но тощее тело свое никак успокоить не может;
Дух старый поэта страдает, как прежде страдал,
И холод, и грусть, и печаль его гложет.

Поют и тоскуют в камине дрова, с бесконечным
шипеньем,
И вторит им маятник мерным коротким
скрипеньем;
Из старых засаленных карт я пасьянс на столе
разложил;

Те карты — наследство старухи, покинувшей свет;
И вот, мне смеется червонный валет,
Шепча даме пик, как её он когда-то любил.

LXXVIII. СПЛИН

Воспоминаний у меня — как будто сотни лет я жил.

Я — шкаф, где кто-то всякий хлам сложил:
Стихи, квитанции, бумаги деловые,
Романсы, волосы в бумажке золотые, —
Все тайны, все секрет. Но мозг мой все вмещает;
Я склеп, в который свет не проникает,
Я пирамида, я приют различных мертвецов,

Я кладбище забытое, где царство вечных снов,
Где черви длинные, как угрызенья, вьются,
И над покойниками милыми смеются.
Я старый будуар, с увядшими цветами,
С старинными атласными стенами,
Где нежные постели в рамах золотых
Вдыхают аромат духов и грез былых.

Ничто нельзя сравнить с тоскою зимних дней:
В природе все мертво, как в сердце у людей,
И скука — этот плод безделья вечный —
Уж хочет сделаться бессмертной, бесконечной.

И нет теперь тебя, душа моя живая!
Ты, как гранит, себя в пустыню углубляя,
Живешь в Сахаре много, много лет!
Я, словно сфинкс какой, — его на карте нет,
И голос мой усталый и суровый
Поет, когда горит закат багровый!

LXXIX. СПЛИН

Я — словно царь страны дождливой и сырой,
Хотя богат он — слаб, хоть молод — стар душой,
Он раболепство приближенных презирает,
И, окруженный ими и собаками, скушает;

Не веселит его ни праздник, ни охота,
ни донесения гонца,
Ни вопль народа под балконами дворца;
Не слушает балладу он шута,
И мысль его ничем не занята;
И балдахин, где лилия сверкает,
Собою мрачный склеп напоминает;
И дамы при дворе не знают как одеться,
Чтоб короля заставить заглядеться,
Чтоб хоть одну улыбку вызвать у скелета.
Мудрец при нем, что золото творит магически
из света,
Купал в крови его, как в Риме то бывало;
Увы! ему ничто, ничто не помогало.
Нет, этот труп старались оживить напрасно, —
В нем кровь струилась Леты, вместо крови
красной!

LXXX. СПЛИН

Когда небо над нами тяжелою, мрачною крышей
висит,
И тоскует наш ум, словно бедный больной,
Когда хмурый и пасмурный день к нам глядит,
Непроглядный как ночь, неприветный, сырой, —
И тогда вся земля превращается сразу в тюрьму,
Где надежда летучею мышью порхает, —
Увидала окно, и несется, стремится к нему,
Но увы, — о решетку широкие крылья ломает!

Да, струи дождя так похожи на эти решетки
ужасные;

И вот пауки тонкой сетью наш мозг оплетают,
Безобразные чудища липкие, страшные, —
В сокровенные мысли и думы они пролезают.

Начинает вдруг колокол где-то звонить и рыдать;
Эти звуки, — нам сердце они надрывают!
Так тоскливо и больно умеют стонать
Лишь бездомные души, которые вечно страдают;

И во мне целый ряд похоронных процессий растет,
Тихо, мрачно, без музыки; горько Надежда рыдает, —
Ведь Тоска победила ее, и не ждет, —
И на череп мне знамя свое водружает.

LXXXI. НЕОТСТУПНОСТЬ

Точно соборы, страшат меня мрачно-густые леса,
Гул их, как звук органа в сердце, поет и хрипит,
Слышно как всюду тоскуют, плачут везде голоса,
Эхо, вдали завывая, как „de profundis“ звучит.

Я тебя ненавижу, о бурный глухой океан!
Ум мой в тебе утопает, в плеске слышится смех;
Ты из далеких несешься и из неведомых стран,
Ты надо мною смеешься, страшен, словно ты грех.

Темные ночи, люблю вас! только без звездных
сверканий

Мне ваш язык понятен, ваши понятны мечты;
Я же ищю только мрака, черной ищю пустоты!

Может быть там, за завесой, там, где живут без
страданий
Тысячи душ нам понятных, близких
и родственных нам,
Взором глядят так доступным нашим усталым
сердцам.

LXXXII. ОЩУЩЕНИЕ НИЧТОЖЕСТВА

Мрачный дух, — ты когда-то, влюбленный
в сраженья, —
Надоело надежде тебя подгонять и хлестать, —
Кляча, спи, коль не стыдно тебе вечно спать,
Спотыкаясь на кочки в своем бесконечном
движеньи.

Сдайся сердце мое и, заснув, позабудь все мученья!

ЛХХХІІІ. АЛХИМИЯ ГРУСТИ

Один тебя зноем и страстью своей обжигает,
Другой, о природа, туманит печалью своей, —
И ты одному говоришь: «вот могила, — скорей!»
Другому: — «живи, пусть тебя Красота озаряет!»

Гермес, неизвестный помощник таинственный мой,
Меня бесконечно страшит и пугает;
Порой он в Мидаса меня обращает;
Как химик могучий, играя мою судьбой,

Меня научил превращать он алмазы и золото в сталь,
Рай — в ад и восторги — в печаль.
И в небе, где меркнут светила,

С тоской погребаю я грезы, мечты, —
И в царстве небесной немой высоты
Творю саркофаги-могилы.

Пусть небеса разрываются, молния ярко сверкает,
Гордость моя будет целью, будет мишенью для них.
В облаке неба далеком, в грозах его золотых

Сердце останки мечтаний с болью на век погребает;
В отблесках неба туманных, молнии грозно блестят,
Там только сердцу отрада — вечно желаемый ад!

**LXXXV. ТРУБКА МИРА
(ПОДРАЖАНИЕ ЛОНГФЕЛЛО)**

I

Гитши Маниту, Жизни Учитель, в прерию раз
опустился,
В нежную прерию, где, как пушок, стебель травы
серебрился;

Там, в стороне гор, к Красной Скале он подходит;
Вот на нее поднимается он, в солнечном свете

купаясь;

Там, на вершине, властной рукой о камень слегка
опираясь,

Гордый, великий, взором спокойным все свое
царство обводит;

Вот к себе созывает он массы, огромные массы
народа, —

Больше их, чем песка, чем трав, что рождает
природа;

Он железной рукою кусочек гранитной скалы
отломил

И сделал чудесную трубку, такую, что каждый
дивился;

Чтобы достать к ней чубук, он пошел, ручей где
струился,

И длинный, гибкий, как сталь, камыш он сломил.

Чтобы ту трубку зажечь, у ивы плакучей кору
он взял:

И вот, великий Создатель, который нам силу
и разум дал,

Ее зажигает; горит она светом волшебного-лучистым,
А он, могучий, стоит на скале и курит ту трубку

мира,

Высокий, гордый, прямой; он купается в волнах
эфира;

И огонь этой трубки блестел маяком призывным
и чистым.

Идут они к Красной высокой Скале, стремятся,
бегут;
Покорно, смиренно, со страхом все воины быстро
идут, —
Ведь Гитши Маниту великий собратья им здесь
приказал.

Сошлись все воины прерии, стали, молчат,
Готовые к бою, с оружием все ждут и глядят;
Как осенью листья, пестры их знамена и перья,
И ненависть страшная — предков наследье
далеких —
Горит в их очах, как озера, больших и глубоких;
Они ненавидят друг друга, сыны убегающих
прерий.

А Гитши Маниту, Учитель земли, — он был
огорчен
Их злобой ужасной, подавлен был он.
Как добрый отец, не любя прибегать к наказаньям,
Он только глубоко страдал и терзался,
Смотря как пожар в их сердцах разгорался,
И чувствовал жалость к несчастным созданьям.

И вот, к ним всевластную руку свою простирая,
И злобу их душ мановеньем ее укрощая,
Желая сломить их упорство и дикий раздор
И ум их больной осветить, обновить, —
Он голосом звучным, способным рев моря собой
заглушить,
Воззвал, устремляя на них свой божественный
взор:

II

«Потомки бедные мои, — я ваш родитель!
Сыны мои! Послушайте, что вам я говорю:
Я Гитши, вашей жизни я учитель,
Всех ваших бед, несчастий утешитель, —
Я дал бизона вам, оленя, лес, зарю;

В озерах рыб вам дал, в лесах вам дал охоту
Зачем охотник мирный вдруг убийцей стал?
Я дичью населил забытое болото;
Но непокорны вы, и недоволен кто-то, —
Чуть что — и на соседа он, как на врага, напал!

Я, право же, устал от ваших войн, смятений;
Все ваши мысли, все желанья так дурны,
Вы полны кровожадных, гибельных стремлений...
Но где ж любовь, где сила братских единений?
Живите мирно в царстве радостной весны!

Я дам вам скоро сильного Пророка, —
Он будет вас учить и с вами же страдать,
И жизнь вам будет праздник: ждите, — недалеко;
Не примете его, — не избежать вам Рока,
Уничтоженья вам тогда не избежать!

Сотрите ж с лиц все краски боевые,
Вот много тростника, — идите и сломите, —
Пусть каждый трубку сделает. О злые!
Довольно крови, — вы ведь все родные, —
Скорее же Трубку Мира закурите»!

III

И вот все внезапно оружие быстро бросают;
И с лиц своих краску в ручье быстротечном смывают;
Те пятна, которые лбы их пестили окраской своей,
К войне призывая. Затем все срывают тростник
Для трубок в кустах, где струился родник;
И разум воскрес, оживился у этих наивных детей!

И каждый вернулся домой с душою спокойной
и чистой;
А Гитши Маниту, великий, всеильный, лучистый,
Вознесся на небо, — разверзлось оно перед ним!
Он в блеске, в сверканьи туда поднимался,
Довольный; он тучам, лучам улыбался,
Все, все озаря сияньем своим!

LXXXVI. МОЛИТВА ЯЗЫЧНИКА

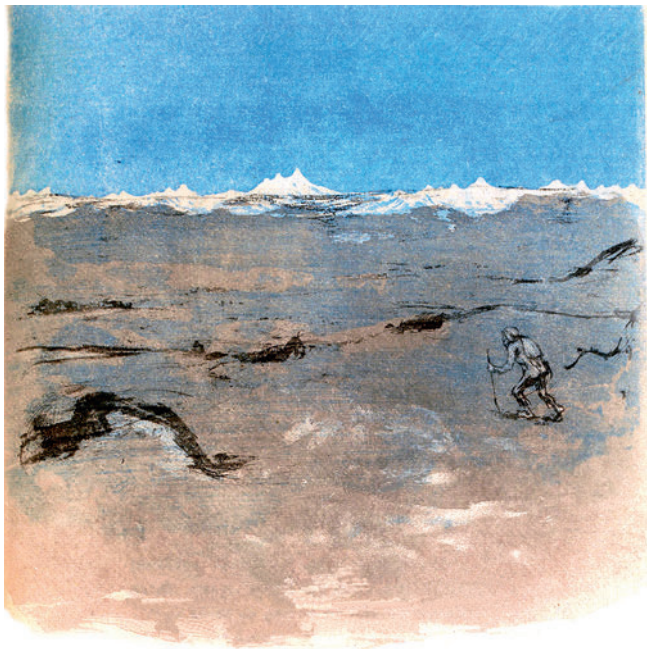
Нет, свой огонь во мне ты не туши;
Озябло сердце; сжался, отогрей!
О сладострастье дивное, ты пытка для души —
Прими мою мольбу смиренную скорей!

Богиня, в воздухе витающая вечно,
Светильник нашей страшной темноты, —
Душа моя тоскует бесконечно
И шлет тебе священные мечты.

О будь всегда моей царицей, Сладострастье!
В тебе блаженство, грезы, радость, счастье;
Ласкай меня, принявши вид сирены,

Которая дрожит вся в белых брызгах пены;
Иль опьяни меня вином своих страстей, —
О Сладострастье, яд души моей!

LXXXVII. КРЫШКА

Всюду, везде, и на море, на суше,
В климате жарком, иль там, где все лед, —
Раб Иисуса, развратник бездушный,
Нищий и Крёз, что в богатстве живет, —

Мирный крестьянин, бродяга несчастный.
Умный и глупый, здоровый, больной, —
Всех задавил этот призрак ужасный, —
Страх перед небом, безумный, глухой.

Небо, как склеп, привлекает, пугает
Как потолок, что в театре сверкает,
Там, где визжит и кривляется шут, —

Мрачно над нашей висит головой,
Словно как крышка; гуляка, святой, —
Все ей покрыты, под нею живут.

LXXXVIII. НЕПРЕДВИДЕННОЕ

У постели отца — для него наступал смертный час, —
Гарпагон размечтался, смотря, как старик замирал,
цепenea.

«Ба! В сарае для гроба ведь доски найдутся у нас, —
Вот блестящая, право, идея!»

Селимена воркует: «да, сердце во мне золотое,
О Господь, Ты меня красотой одарил!»
— Словно окорок, сердце ее бесконечно сухое, —
Неудачно тот окорок повар сварил!

И газетчик, подвыпив, (он слыл образцом чистоты),
Говорит бедняку, оплетя его ложью своей:
«Где творец, покровитель святой красоты,
Твой великий защитник людей?»

Но всех лучше по-моему фат похотливый,
День и ночь он зевает в бессильи своем:
«О, прости меня Бог! Я презренный, строптивый,
Но клянусь, через час я раскаюсь во всем!»

А часы в свой черед низким басом хрипят:
«Вот один осужден, мы зывали к нему, но напрасно;
Люди слепы и глухи, их черви грызут и едят, —
Люди ломки и хрупки ужасно!»

И затем появляется Некто, над кем мы всегда
издевались,
И, насмешливый, нам говорит: «Уж довольно
Вы за черною мессой из чаши моей прищались,
Вы меня полюбили невольно!

Каждый в сердце своем мне воздвигнул
торжественный храм,
С головы и до ног все меня целовали...
Сатана с своим смехом, ужель неизвестен он вам,
Иль вы просто меня не узнали?

О коварство! Зачем предо мной вы скрывались?
Вы над вашим царем захотели смеяться;
Неужели меня обмануть вы старались.
Ведь нельзя и в Раю, и теперь наслаждаться!

Нет, я старый охотник, меня провести не удастся;
Вы — добыча моя; перед нами туманы и даль,
Мы помчимся в нее, и она перед нами раздастся,
Там мы будем делить и восторг и печаль!

Далеко, далеко, за безгранностью этого мира,
На бесформенной глыбе из вашего пепла и тел, —
Там, куда не проникнут лучи голубого эфира, —
Я роскошный дворец возвести повелел;

Мы умчимся в чертог тот, покрытый грехами,
Он победою гордой и силой блесит». —
А над ним Ангел веет своими крылами
И великую славу трубит;

Славу тем, кто его восхваляет, любя;
«О наш Царь, Сатана, мы твой бич прославляем,
Наше сердце, душа, все — в руках у тебя,
Мы всегда на тебя уповаем!»

Сладок звук этих возгласов искренних, чистых
В праздник сбора душистых гроздей винограда,
И сердца замирают в мечтаньях лучистых,
И в душе тишина и отрада.

LXXXIX. ВОПРОСЫ ПОЛНОЧИ

Вот полночь маятник тяжелый бьет.
С иронией он предлагает нам,
Не предаваясь грезам и мечтам,
О дне ушедшем дать себе отчет.
— Сегодня скверное число у нас —
Тринадцать... Пятница, — а мы ведь и забыли.
Хотя сегодня уж не в первый раз
Мы, как отступники, грешили.

Христа великого мы громко проклинали,
Тогда как Он единственный светлый Бог, —
Никто, как он, любить людей не мог!

Но мы забыли все, — и шумно пировали
У Крёза... Чтоб подделаться к нему,
Мы совесть, честь и гордость позабыли, —
Ругали все, что свято так любили
И восхваляли то, что нравилось ему...

Мы пошлости курили фимиам,
Затеи глупые с восторгом восхваляли,
Мы все святое в людях осмеяли,
И поклонялись грубым палачам.
Друг друга мы лобзали в упоеньи,
Хвалили мишуру; и этот бедный свет —
Он нами был прославлен и воспет
С его несчастьями и ужасом сомненья.

И, наконец, мы, Истины жрецы, поэты,
Которых слава крепнет и растет,
Чтоб сбросить этот страшный гнет
И скрасить, уничтожить прозябанье это,
Подобно бедным жалким людям, —
Мы опьянялись бездною страстей...
Потушим же мы лампу поскорей,
И обо всем, что было, позабудем!

ХС. ПЕЧАЛЬНЫЙ МАДРИГАЛ

Что мне в том, что твой ум и блестит, и сверкает?
— Будь красивой, печальной! — Загадочней ты
В этой грусти, и слезы тебя украшают,
Как бегущие воды пейзаж оживляют, —
Как гроза освежает цветы.

Я люблю тебя больше, когда исчезает
Смех и радость с лица у тебя,
Когда сердце тоскует и, плача, страдает,
Когда все отжитое опять воскресает
И томит тебя, мучит, губя.

Я люблю тебя больше, когда твои мысли страдают,
Я люблю твои слезы, — они горячи, словно кровь,
И хотя мои руки тебя бесконечно ласкают, —
Но какие-то муки всю душу твою растрavляют,
Словно в ней умирает любовь!

Сладострастье вдыхаю я полною грудью своею;
Дивным гимном рыдания звучат;
И когда я с тобой, — я покорен тебе, цепенею,
Пред твоими слезами я весь уничтожен, я млею,
А они, словно перлы, в глазах золотятся, горят.

Твое сердце подточено, в нем затаилась
Боль о прежней любви, о промчавшихся днях,
Оно бедное долго страдало, томилось,
И теперь, все равно что б с тобой не случилось, —
Эта боль не исчезнет в глубоких очах!

Да, я знаю, теперь в твоих грезах страдания.
И душа адской муки полна, —
Ты томишься без отдыха, — вечно терзанья,
В твоих снах только яд, кровь, убийства, стенанья,
Ты теперь только в смерть влюблена.

И от всех ты теперь так пугливо скрываешься,
Только горе и ложь замечая кругом,
И когда бьют часы, ты вдруг вся содрогаешься;
Поборооть отвращенье ты к жизни стараешься,
Но оно так заметно во взоре твоём!

И теперь ты, царица-рабыня, не властна
Полюбить меня ясной неробкой душой, —
Ты теперь бесконечно, глубоко несчастна,
И не можешь средь ночи воскликнуть мне
страстно:
«Я такая ж как ты, я хочу быть такой!»

ХСІ. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Всякий, кого человеком мы можем назвать,
В сердце носит и греет злодейку-змею,
Она в нем устроила тронную залу свою...
Человек скажет: да! Ей же: нет! Вдруг угодно сказать;

Все равно, увлечешься ты чем, расцветут ли мечты.
Иль вдруг счастье и радость изведаеть ты, —
Та змея все шипит: «Ты о долге не вздумай забыть!»
И плодишь ты детей, иль деревья в саду поливаешь,

Иль из мрамора что высекаешь, —
Та змея все шипит: «Этот вечер ты будешь ли жить?»
Что б ни делал, во что бы ни верил ты страстно,

Нет минуты покоя тебе, человек, —
И смежить утомленных, измученных век
Не позволит тебе та ехидна ужасная!

И тихонько старинные звучные песни поешь.
А когда опускается вечер, лежишь на циновке,
И царят лишь мечты в твоей юной, прелестной
головке;

О, воздушны они, как колибри, как свет, как цветы,
И свободны, красивы, изящны и нежны, как ты!
Ты счастлива, — зачем же ты хочешь в чужие края?
Знай, во Франции быстро исчезнет веселость твоя!
Не вверяй свою жизнь кораблю и капризным
волнам,

Не прощайся с отчиной своей, — веселей
и свободнее там
Ты одета слегка кисеей, — а во Франции снег
и морозы,
Там холодная злая зима, — здесь цветут олеандры
и розы.

Будет труден и тягостен долгий томительный путь;
Знай, корсет тебе сдавит твою ароматную грудь;
И придется тебе свои ласки везде расточать,
Чтобы пищу и кров для себя добывать;
Будешь вечно о солнце, о пальмах высоких мечтать,
Будешь плакать, томиться, мучительно-больно
страдать!

Тот голос нежен был, как ветерка дыханье,
Как призрак нам родной, который нас зовет.
Ответил я ему: «О, да, — иду с тобою!»
И вот с тех пор страдаю, гибну я,
С тех пор гоним жестокою судьбою, —
Таилось в этом дне несчастье для меня!
И вижу, вижу я за гранью мирозданья,
В пучине, там, где дух тоскует мой больной,
Иные мысли, грезы, сны, мечты, желанья;
И ядовитых змей ташу я за собой.
С тех пор я стал похож на мудреца-пророка;
Люблю пустыню ровную и моря тихий шум;
Но не избегнуть мне велений горьких рока,
Как не избегнуть мне моих тяжелых дум!
Я опьяняюсь всем, чтоб утолить страданья;
Восторг в моих глазах, но в сердце пустота,
И шепчет голос мне: «Храни свои мечтанья, —
В безумстве мудрых свет и красота!»»

XCIV. ГИМН

Моей желанной, несравненной,
Которая блестит в душе моей лучом, —
Привет тебе, кумир нетленный,
В бессмертии твоём!

Как влажный ветерок, вдруг налетевший с моря,
Ты жизнь мою наполнила собой, —
И в душу жадную, изнывшую от горя,
Влила блаженство и покой.

Как ароматом нежным и сухим,
Ты воздух для меня собою наполняешь, —
Ты, как забытого кадила дым,
Таинственно благоухаешь.

Но как мне выразить правдиво, без искусства,
Всю силу искренней и радостной любви?
Как мускуса зерно, мое святое чувство
Горит в моей пылающей крови!

Моей прекрасной, моей бесценной,
Которая живет и радует меня, —
О ангел мой, о мой кумир нетленный, —
Всегда, всегда приветствую тебя!

ХСV. НЕПОКОРНЫЙ

С неба опустился Ангел грозный, злой,
Как орел, и грешника поймал.
«Будешь верить ты? — Я, Ангел добрый твой, —
Я тебе велю!» — ему он так сказал.

«Без гримас любить ты должен всей душой:
Бедных, злых, несчастных и калек,
Чтобы мог Христу соткать ковер святой
Ты из той любви, несчастный человек!

Вот она, любовь! — пока ты жив, — спеши
И отдай Творцу всю страсть твоей души,
Пусть она к Нему любовью вся пылает!»

Кулаками Ангел человека бьет,
Учит он его, терзает и клянет,
Тот же: «не хочу!» упорно повторяет.

ХСVI. ГЛАЗА БЕРТЫ

Презирайте меня как хотите, прекрасные, чудные
очи,

Очи дивные милой малютки моей!
Вы меня погружаете в бездну лучей,
О, струите в меня этот яд опьяняюще-трепетной
ночи!

Очи яркие милой и нежно-любимой малютки
моей —
Сладкий яд, — он меня бесконечно пьянит!

Вы тот грот, что толпу привидений хранит,
Клад волшебный, сокрытый во мраке безмолвных
теней.

О дитя мое милое! чудные глазки мои дорогие!
Вы темны, словно ночь, и светлы, как она, —
В вас любовь и глубокая вера видна
Вместе с страстью кипучей. О глазки мои огневые!

ХСVII. ФОНТАН

Ты смежила усталые очи, любовница страстная!
Оставайся спокойной, не сился их снова открыть, —
В этой позе небрежной пожалуй еще ты прекраснее,
Все сердца ты способна себе покорить.
Там внизу, на дворе, все фонтан неумолчно рыдает,
Ночью, днем бесконечно струится, журчит;
Сердце негой объято и страстной любовью пылает,
Сердце бьется тихонько и нежно дрожит.

Вода отливала
Цветами,
Струилась, рыдала
Слезами,
В ней Солнце сверкало
Лучами.

Вся душа твоя, словно пожаром, объята,
Дикой страстью, которой названия нет,
И стремится она, дерзко рвется куда-то, —
Может быть к небесам, где восторги и свет.
Но, затем, на волнах томной грусти качаясь,
По незримым уклонам стремится с тоской,
И совсем замирая, и все опускаясь,
Вдруг сливается нежно с моею душой.

Вода отливала
Цветами,
Струилась, рыдала
Слезами,
В ней Солнце сверкало
Лучами.

О, — ты ночью нежнее, прекрасней, чем днем!
Как мне сладко, прижавшись к груди молодой,
Слушать как бесконечно звучит водоем,
Как поют его струи и плачут с тоской!
Шум воды... и на небе луна задремала...
Шепот листьев... и блики неясных теней...
Твоя грусть все мечты мои властно сковала, —
Эта грусть, словно зеркало страсти моей.

Вода отливала
Цветами;
Струилась, рыдала
Слезами,
В ней Солнце сверкало
Лучами.

ХСVIII. РАСЧЕТ

Человек, чтобы долг свой Судьбе заплатить,
Должен почву двух твердых полей разровнять,
Хорошенько расчистить, вспахать и размять,
И железом ума и рассудка их взрыть.

Чтоб ничтожною розой одной обладать,
Чтобы был урожай и пшеницы, и хлеба, —
Словно частым дождем с затемненного неба,
Надо потом своим те поля орошать.

Поле первое — это Искусство святое,
А второе — Любовь. Человек должен ждать,
И раскрыт пред Судьей свое сердце простое
В день суда, чтобы правду ему рассказать.

И тогда может быть он получит награду,
Но для этого нужно работать, страдать, —
Нужно житницы хлебом свои наполнять,
И трудиться и мучиться надо!

ХСІХ. ОЧЕНЬ ДАЛЕКО ОТСЮДА

Это здесь святых святая,
Красотой своей сверкая,
Эта дева молодая

Здесь рукой ласкает нежной
Кожу груди белоснежной.
Здесь с душою безмятежной

Обитает Доротея. Как рыданье,
Раздается плеск певучего фонтана;
У него одно стремленье, у него одно желанье —
Закачать и убаюкать это милое созданье.

Вот она в углу дивана;
Этой кожи блеск, сверканье,
Гибкость трепетного стана...
И смеются ей цветы из хрустального стакана.

С. ЗАКАТ

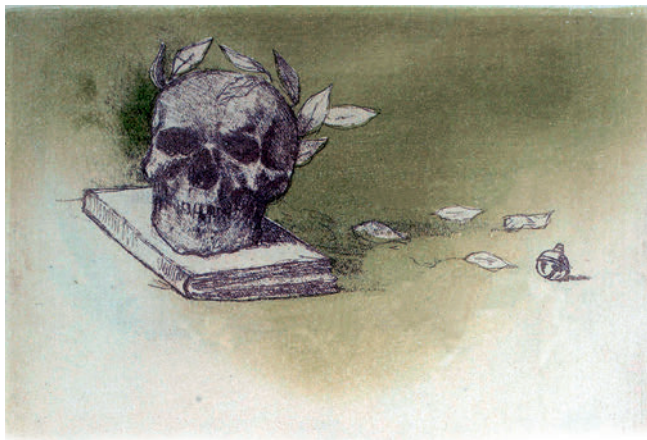
В закате солнце полно яркой красоты;
Оно в багряной вспышке шлет нам свой привет;
О, счастлив тот, кто любит солнца свет,
Когда его закат прекрасен, как мечты!

Да, помню я: цветы, источник, нивы,
Удары сердца, тишь, — все замерло во сне...
Скорей бежим туда, где солнце все в огне,
И где его лучи, так трепетно-красивы!

Увы! я не настиг скрывавшегося Бога;
И вот спустилась ночь, и не видна дорога...
Мрак, сырость... уж мечты не те!

Где я? — на кладбище? — Как будто плачет кто-то,
И поскользнувшись, я чуть не упал в болото,
Где жабы скользкие возились в темноте.

**СІ. ТАССО В ТЕМНИЦЕ
(К КАРТИНЕ ЭЖЕНА ДЕЛАКРУА)**

В тюрьме поэт больной и одинокий,
Он рукопись свою со злобой изорвал.
Со страхом он глядит туда, в глухой провал
Где тонет ум его, как в пропасти глубокой.

И дикий хохот своды наполняет;
Вот, кажется ему, — виденья прилетают...
Тоска его томит, и страх им овладел;
Страдать, томиться здесь теперь его удел.

В ужасной конуре он, гений, заключен;
Все призраки вокруг; ушел здоровый сон, —
Остался хохот, крик и страх в больных очах.

Безумье, ужас, ад с горящими кострами, —
Вот твой конец, душа со смелыми мечтами!
И душит жизнь тебя в томительных стенах.

СП. БЕЗДНА

Паскаль таил в себе водоворот мучений;
Увы! Пучина все — дела, слова, мечты;
И цепенею я от вечной пустоты
В бездонности тоски и ужаса сомнений.

Вверху, внизу, везде — начало без конца,
Как царство мертвого, сурового молчанья, —
И вот на фоне тьмы, — ночей без окончания, —
Бог чертит нам кошмар безумного лица.

Как пропасти без дна, я снов боюсь всегда;
К ней вечно манит страх, но поведет куда?
Из каждого окна смеется Бесконечность;

Мой дух объят огнем безумного желанья
Исчезнуть навсегда и потушить страданья;
Но нет! — мне никогда не погрузиться в Вечность!

СШ. ЖАЛОБЫ ИКАРА

Любовники пошлых, презренных гетер
Те счастливы, сыты всегда, —
А я... — неужель никогда
Не узнаю заоблачных сфер?

Сверканьем я звезд ослеплен,
Тех звезд, что на небе горят, —
Глаза мои плохо глядят,
И видят один небосклон.

Увы! Я напрасно желал
Обнять Бесконечность умом, —
Сожжен я каким-то огнем,
И кто-то мне крылья сломал!

Любил Красоту я всегда
Всей силою страсти своей,
Но, знаю, — в могиле моей
Не вспомнят меня никогда!

СІV. СОСРЕДОТОЧЕННОСТЬ

О скорбь моя, будь мудрой и веди себя спокойно!
Звала ты вечер, — вот он опустился;
Смотри — уж город тьмой покрыла, —
Кто спит, а кто томится беспокойный.

Но большинство из смертных кроется повсюду,
Ища себе везде различных наслаждений,
Копя мученья страха, боли, угрызений.
Дай руку мне, о Скорбь, — уйдем скорей отсюда!

Смотри, — на облаках, — там целый ряд годов
Покоится, как отблеск прежних снов,
А из воды с улыбкой смотрит Сожаленье;

И солнце перед сном горит закатной аркой,
И побледнел восток; он не такой уж яркий;
О дорогая! — чувствуешь ты ночи приближенье?

CV. HEAUTONTIMOROUENOS

Я от мести и гнева, конечно, далек, —
Но ударю тебя, как скалу Моисей;
И из бездны глубоких и дивных очей,
Брызнут слезы, как чудный поток.

Он безумную жажду мою утолит,
Зной ужасной Сахары, пустыни;
О, в слезах моей вечной святыни
Для меня бесконечное счастье горит!

В них купается сердце мое, как в волнах,
Как в каком-то волшебном сверканьи,
И в твоём бесконечно-тоскливом рыданьи
Я тону, как в блестящих лучах.

Может быть я ненужный, фальшивый аккорд,
В мировой гармоничной симфонии, —
Может лишни сарказмы и жало иронии,
Или я слишком смел, или я слишком горд?

Да, — ирония есть в моем голосе, знаю,
Яд ее в моем сердце безумно горит,
Я, как зеркало, — в нем лик Мегеры глядит,
И от этого я бесконечно страдаю!

Я — и рана, и остро отточенный нож,
Я палач, — но жертва — опять это я-же!
И себя самого не постигнул я даже, —
Я и Правда, и вечная, яркая Ложь!

И я, с сердцем вампира, на век осужден
Быть веселым, шуметь и беспечно смеяться...
Но, конец — я не в силах уже улыбаться,
Для меня навсегда потускнел небосклон!

CVI. НЕПОПРАВИМОЕ

Идея, Форма, Бытие, из светлых туч
Спустились вниз с лазури ясной
И погрузились в Стикс ужасный,
Где не сверкает солнца луч.

Какой-то Ангел — странник вечный —
К уродству страстью воспылал,
И вот боролся, утопал
Во мгле кошмарно-бесконечной,

Сражаясь с призраком Тоски,
С гигантским, гибельным теченьем, —
Оно кружилось с диким пеньем
На дне таинственной реки.

Увы, несчастный околдован!
Напрасно ищет он пути, —
Ему спасенья не найти, —
Он в этой тьме навеки скован.

Он осужденный, он без света, —
Светильник кто-то потушил, —
И нет у лестницы перил,
И в этой бездне нет просвета.

Повсюду чудища ползут,
Блестя фосфорными очами,
И все, покрытые тенями,
Они бесшумные плывут.

Он, как корабль во льдах, затерт,
Он скован в западне кристальной, —
И ищет он пролив фатальный...
Напрасно все — темница лед!

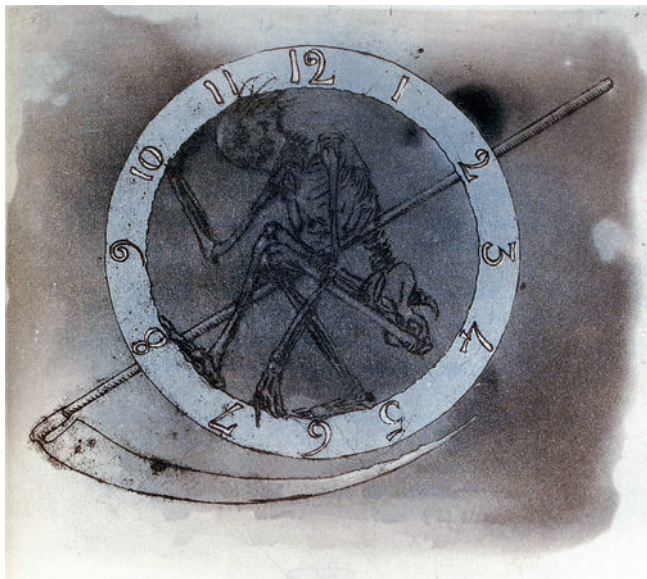
Эмблемы, мрачные виденья
Судьбы ужасной, страшно-злой...
И весь я полон мыслию одной,
Что хороши все Дьявола творенья!

II

Вот сердце стало точно проверять
Все грезы, мысли, думы, чувства.
Да, Правда хороша, но много в ней искусства,
И мы не можем красоту понять!

Маяк нам светит в этой адской мгле, —
То пламя яркое — светильник Сатаны.
И снятся нам чарующие сны...
— Да, Знание и Истина — во Зле!

CVII. ЧАСЫ

Часы — зловещий бог, могучий и бесстрастный;
Рука его грозит: «опомнись, не забудь!»
Вопьется Скорбь тебе в твою больную грудь,
И Страх в нее войдет безумный и ужасный.

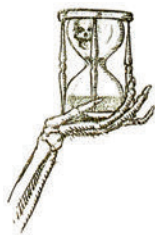
Как призрак светлых духов, Радость исчезает;
Проходит чад и гибнет наслажденье,
Его ворует каждое мгновенье,
И человек томится, жаждет и страдает.

Три тысячи шестьсот ударов мелких в час!
Секунды шепчут нам: «О сердце, ты забыло?»
И говорит Теперь: «Я превращаюсь в Было,
Я Жизнь выкачиваю медленно из вас!»

«Remember! Esto memor! Помни! Не забудь!» —
На разных языках кричу я медной глоткой;
Минут не много, — этот путь короткий, —
Из каждой золото добудьте как-нибудь!

Ужели ты забыл, что Время беспощадно?
Оно, как опытный игрок, — таков закон!
День стал короче, ночь — как страшный сон, —
И мы стоим над бездной вечно-жадной.

И Случай, что всегда тебя спасал,
Раскаянье (последний твой приют!) —
Тебя к себе внезапно призовут
И скажут: «О, умри, презренный, час настал!»

ПАРИЖСКИЕ КАРТИНЫ

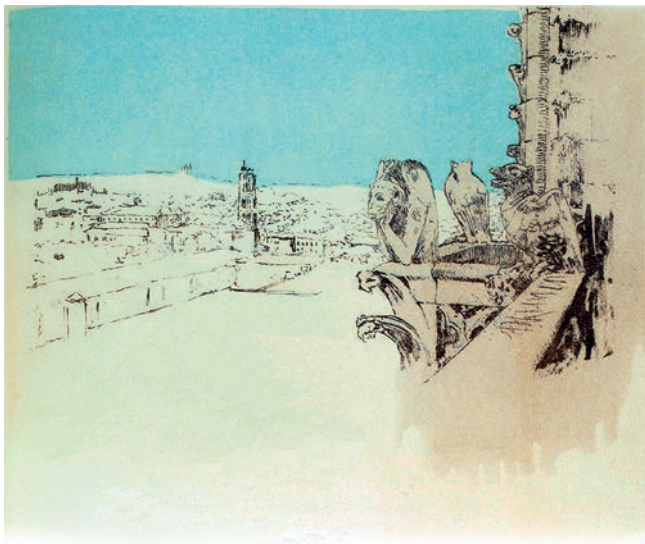
CVIII. ПЕЙЗАЖ

Чтоб нежней я мог слагать все свои эклоги, —
Буду на небо смотреть я, как астрологи,
Колоколен слушать звон, ветерка дыханье, —
Он навевет на меня грезы и мечтанья.
У окошка моего как-нибудь устроюсь;
Вижу: город, цепь домов, длинных улиц пояс,
Труб фабричных целый ряд, словно мачты в море,
И раскинулось над всем небо на просторе.

Я лежу и все смотрю, за туманом наблюдая;
Хорошо мне; — вон звезда, вон еще зажглась другая;
Огонек мелькнул в окне, дым из труб струится,
И волшебница луна бледно серебрится.
Лето, осень и весна... дни бегут за днями;
Но страшит меня зима, с белыми снегами;
И когда она придет, — окна все закрою,
И останусь я один со своей мечтою.

Буду я мечтать о днях бесконечно ясных,
О садах и о лучах нежных и прекрасных.
Поцелуи вспомню я, птиц крылатых трели,
Ароматные цветы, что в саду пестрели...
За окном пускай шумит, снегом все заносит,
Я один; мне хорошо; сердце грезы просит.
Я купаюсь и тону в трепетных мечтаньях,
Предо мной встает весна в ярких очертаньях,
Солнце в сердце у меня и сиянье света, —
В мыслях царствует тепло золотого лета.

СІХ. СОЛНЦЕ

Идя предместьями, где ряд лачуг ужасных,
Приют и верный кров желаний сладострастных,
Где солнце освещает яркими лучами
Весь город и поля с огромными стадами,
Я образами мыслю, рифмы нахожу, —
За сочетаньем их внимательно слежу
И, добиваясь их обычной яркой красоты, —
Вплетаю в них все грезы и мечты.

О Солнце яркое, — всю землю ты питаешь,
Букашек и червей ты в поле пробуждаешь,
Все скорби тают под лучом твоим, —
Ты наполняешь мозг сиянием своим,
Больных ты молодишь, калек ты оживляешь, —
Ты их, как юношей, смеяться заставляешь;
Ты душу нам свежишь, — она цвести готова,
И верит в радость, в жизнь и воскресает снова!

Ты, как поэт, спокойно наблюдаешь
Порок и Зло, и всюду проникаешь:
В больницы, в церкви, в царские палаты
Туда, где бедно все, туда, где все богато.

**СХ. ЛОЛА ДЕ ВАЛЕНЦО
(К КАРТИНЕ ЭДУАРДА МАНЕ)**

Друзья, среди всех красот, конечно, не могли
Вы устоять, — желанье вас смущает;
Но Лола де Валенцо ярче всех сверкает, —
Она блестит, как перлы всей земли.

СХІ. ОСКОРБЛЕННАЯ ЛУНА

Луна, — всегда тебе все поклонялись мы;
На небе ты горишь высоко над землей,
Окаймлена блестящей звездной полосой, —
Старушка Цинтия, светильник нашей тьмы.

Любовники забылись на своей постели, —
Ты видишь?.. Вон поэт работает до ночи —
Ты видишь, как огнем его пылают очи?
Иль видишь двух ехидн, вон там, где мох и ели?

Скажи, как прежде в желтом домино, тайком,
Ты бегаешь туманным вечерком
К Эндимиону, страсти вся полна?

«Нет, бедный сын, с небес теперь глядя,
Я вижу мать твою — у зеркала она,
Седая, белит грудь, родную для тебя».

СХІІ. РЫЖЕЙ НИЩЕНКЕ

Блондинка с золотыми волосами,
В одежде нищенской с худыми рукавами,
Сквозит во всей фигуре нищета
И красота.

И для меня, для бедного поэта,
Твое худое тело в этих волнах света,
Веснушки, — все полно очарованья
И обаянья.

Как королева в туфельках расшитых,
Идешь ты в башмаках дырявых и разбитых;
Ты так горда, изящна и стройна,
И так нежна.

Как дамы туалеты при дворах,
С уменьем носишь ты лохмотья на плечах, —
Они твой стан красиво обнимают
И ножки закрывают, —

Но не совсем: сквозь ткань худых чулок
Глаз любопытного заметит прелесть ног,
Сверкнет желаньем жадный взор нахала,
Как блеск кинжала.

Шнурки корсажа стянуты чуть-чуть,
И соблазняет нас и дразнит эта грудь,
Струя свой чистый, нежный аромат;
Глаза блестят.

Смотри, — тебе откажут в хлебе, в праве жить,
Чтоб плечи нежные заставить обнажить;
И будешь ты бороться, уступая
И погибая.

И перлы дивные — свои сонеты —
К твоим ногам снесут влюбленные поэты;
Ты красотой своей всех властно очаруешь
И заколдуешь.

Поэты будут все твои рабы,
Ты освятишь их первые труды;
У лестницы тебя все будут дожидаться,
И любоваться.

В тебя пажи и принцы будут влюблены,
Лишь мыслью о тебе одной всегда полны,
И будут все тебя подстергать
И провожать.

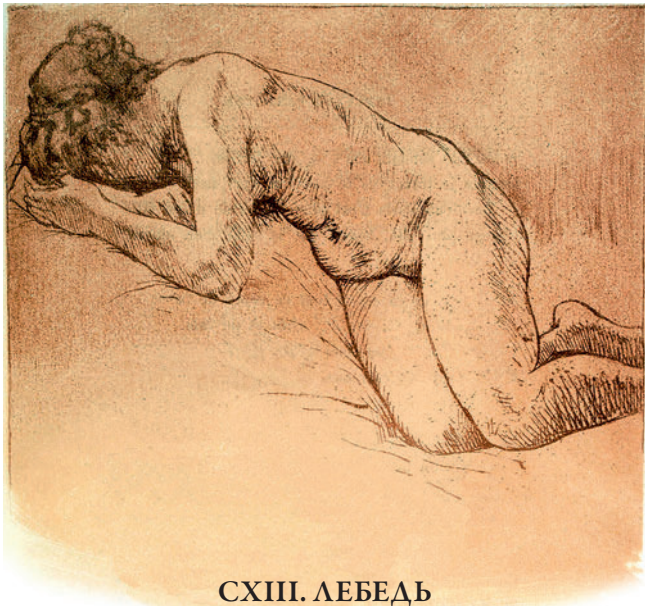
Не деньги — поцелуи будешь ты считать,
Сильней своим законам будешь покорять,
Чем Валуа, все наши короли
Родной земли.

Теперь-же ходишь ты и просишь подаянья
В лохмотьях жалких, милое создание,
Иль у порогов мерзнешь ты, стоишь
И вся дрожишь.

Вот ты идешь, сверкая мне глазами,
И хочется тебя засыпать мне деньгами,
Алмазами, что ярче всех планет...
Прости, — их нет!

Живи ж дитя, без украшений разных,
Без жемчугов, духов и диадем алмазных,
Мне дорога твоя святая нагота,
О красота!

СХІІІ. ЛЕБЕДЬ

Виктору Гюго

I

Андромаха, — я думаю все о тебе; мне тоскливо
и больно.

Симознт, небольшая река, но от слез твоих грозно
шумит;

Ты величием скорби своей поражаешь невольно, —
И в водах той реки отжитое печально блестит.

Проходя мимо площади, там, где шумят карусели,
Вдруг я вспомнил случайно с тоскою невольной
о вас, —

Изменился мой старый Париж! (будто тысячи лет
пролетели;
Да, — меняется город быстрее, чем сердце у нас).

Представляю я мысленно: всюду поля расстилались,
Небольшие долинки и лужи с стоячей водой,
В окнах лавок старинных, сверкая, они отражались,
И царил надо всем с высоты небосклон голубой.

В этом месте зверинец когда-то обширный стоял;
Рано, поутру, в час, когда небо едва заалело,
И рабочие только проснулись, я около долго гулял,
И я слушал тогда, как зверье невозможно ревел.

Вдруг, из клетки, не помню уж как, белый лебедь
сбежал.

И своими ногами поспешно по улице он семенил;
Крылья белые он перепачкал, в грязи замарал,
И у лужи иссохшей клюв жадный раскрыл.

Но, увы, он напиться не мог, и усталый, больной,
Он с тоскою, смотря в небеса, восклицал:
«О, когда будет дождь? гром когда прогремит над
землей?»»

Вот он, вижу его, как сейчас, — как он бедный
страдал!

И к высокому небу проклятья свои посылая,
Бога лебедь несчастный в мученьях своих упрекал;
А над ним бирюзой необъятной блестя и сверкая,
Свод небес раскаленный томительно-жарко пылал.

II

Изменился Париж, но тоска моя той же осталась,
И, по прежнему, мусор, леса у домов, пустота;
И в предместьях старинных какая-то тайна
скрывалась;
В этих мыслях о старом Париже царит для меня
Красота.

Вот пред Лувром стою, и опять меня мысль
угнетает,
Мысль о лебеде, — это не в первый уж раз
Он в изгнании далеком, томится, страдает,
И я думаю вечно о нем, и я думаю вечно о вас!

Так и ты, Андромаха, расставшись с супругом
прекрасным
Для того, чтобы презренного грека ласкать,
Вся в порыве отчаянья, диком и страстном,
Будешь Гектора имя всегда повторять!

Вижу мысленно я негритянку больную,
несчастную, —
Вот по грязи ступает она и о солнце мечтает
родном,
Вспоминает высокие пальмы и небо прекрасное,
И тоскует в тумане холодном, сыром.

Вижу все потерявших, с тоскою глядящих
в пространство,
И не видящих в нем ничего кроме страшной
глухой пустоты,
Вижу скорбь и упорство, в тоске постоянство

И сирот, что засохли, как сохнут зимою цветы.

И в лесу, где мой ум, как изгнанник забытый
судьбой, —

Громко Память трубит, — словно рог... И я думаю
вечно о них,

О матросах, погибших в бездонной пучине
морской, —

О героях, о пленниках бедных и еще, и еще
о других!

СХІV. СЕМЬ СТАРЦЕВ Виктору Гюго

Многолюдный город, где царят мечты,
Где преследуют виденья даже днем;
О колос, повсюду прячешь тайны ты
В улицах, в домах-чудовищах, кругом!

Утро; тихо; улица в тумане;
Выше кажутся печальные строения,
Словно бледная картина на экране:
Зданья — берега, а улица — теченье.

И когда туман пространство затопляет,
Я иду, напрягши нервы, как герой;
Утомленная душа страдает;
Из предместья слышен скрип телег глухой.

Вдруг, старик в лохмотьях, жалкое создание, —
Серые отрепья, словно в небе тучи,
Вид его способен вызвать сострадание,
Если бы не взгляд, пылавший злобой жгучей, —

Предо мной явился. Желчь в зрачках сверкала,
Взгляд холодный иней смог бы растопить,
Борода прямая, как кинжал торчала, —
Старика с Иудой мог бы я сравнить.

Не был он согнут прожитыми годами,
Но недуг страстей сломил его хребет, —
Под прямым углом слилась спина с ногами,
С костылем бродил он тощий, как скелет.

Словно зверь больной, затравленный, хромая.
Путаясь в снегу, в грязи, он ковылял,
Точно мертвецов ногами попирая;
Взгляд скорей враждой, чем холодом сверкал.

И двойник его, с такой же бородою,
Весь совсем как он, глаза его горели,
Следовал за ним, — одною шли тропею
Выходцы из Ада к неизвестной цели.

Очевидно кто-то надо мной смеялся,
Или мне казалось; каждое мгновенье
Предо мной семь раз старик тот появлялся, —
Это страшное, зловещее виденье.

Пусть же тот, кто осмеёт мое смятенье,
И родной душою не поймет мой страх, —
Пусть он объяснит мне странное явление,
Вечность ту, что тлелась в ветхих стариках.

Я б наверно умер, если б вдруг восьмой,
Словно грозный Рок, передо мной предстал,
Сам себя родивший Феникс роковой!
И к виденьям адским я спиною стал.

И придя домой, я запер дверь мою,
У меня в глазах, как от вина двоилось,
Я не мог рассеять боль, тоску свою, —
В черепе пылавшем злая тайна крылась.

Тщетно разум мой рулем пытался править, —
Буря все его усилья развевала,
Душу я не мог спасти, направить, —
И ее, как лодку старую, качало!

СХV. МАЛЕНЬКИЕ СТАРУШКИ

Виктору Гюго

В трущобах мрачных шумных городов,
Где даже ужас полон обаянья,
Всегда за вами я следить готов,
Оригинальные и милые создания.

Теперь страшны, но может быть когда-то
Красивы были; о, любим их!
Быть может души их мечтаньями богаты, —
Полюбим их, несчастных и больных!

В дырявых юбках, в платьях старомодных,
Под шум колес они ползут, спешат,
И в их руках, озябших и холодных,
Всегда мешочки шитые дрожат.

Напоминая раненых зверей,
Они, как куклы, семят ногами;
И Дьявол, в злобе яростной своей,
Трясет телами их, как бубенцами.

Глаза старушек остры, как бурав, —
Как ночью лужицы воды, они блестят,
То как ребенка взор, когда слезу согнав,
Смеется звонко он, подняв невинный взгляд.

Вы знаете, гробов всегда бывает
Так много, маленьких, как детские, ничтожных?
Смерть мудрая гроба старушек отмечает.
Рядами символов, причудливых и сложных.

Когда в толпе встречаю вас порой,
Несчастные и хилые создания, —
Я думаю, что к колыбели, за собой,
Ведет вас Смерть туда, где нет страданья.

Да, много раз приходится гробовщикам
Варьировать гробы для трупов старушонок
Работа трудная, и не под силу нам,
Хотя старушка каждая не больше, чем ребенок.

И в тех глазах горят миллионы слез,
Блестя из впадин отблеском металла,
Горят они огнем непобедимым грез
Для тех, кого Судьба сурово наказала!

II

Влюбленная весталка древнего Фраскати,
О жрица Талии, увы! — один суфлер
Умерший имя знал твое. Среди богатой знати
Ты в Тиволи росла там, где цветов ковер.

Все, все меня пьянит! Но меж созданий нежных
Одно есть, что приносит горечь мне.
Ты, Преданность, укрой нас в крыльях
белоснежных!

О Гиппогриф, неси меня к луне!

Один, отечеством суровым оскорбленный, —
Другой, в супружестве подавленный скорбями, —
Иной, Мадонною детей своих лишенный, —
Все залили бы Мир горячими слезами!

III

За этими старушками я зорко так следил
В тот час, когда в багрянце солнце заалело,
И красный цвет, как кровью, небо все залил, —
Одна задумчиво вдали от всех присела,

Под музыку военного оркестра помечтать,
Который на бульварах вечером играет,
Который заставляет силы оживать,
И бодрость граждан властно пробуждает.

Прямой и гордою она еще была,
И жадно слушала напевы трубачей,
Глаза ее сверкали, как глаза орла,
А лоб лишь ждал венка из лавровых ветвей!

IV

И вот, бредете вы, не жалуясь, покорно,
Через кипящий хаос города большого;
Чисто ли прошлое у вас, или позорно,
Но в сердце ноют раны отжитого.

Вы были прежде всем известны и богаты,
Но изменились вы, теперь вас не узнать,
Вас пьяница толкнет, как бы зовя куда-то,
Мальчишки с улицы вас стали задирать.

Стыдясь самих себя и съежившись, как тени,
Согнувши спины, вы идете мимо стен,
Никто вас не почит, и с видом привидений
Скользите вы, и Вечности в вас тлен!

И вот, я издали всегда смотрю за вами,
Я беспокойным взором, как отец, гляжу
За вашими неверными шагами, —
Вам не понять, зачем за вами я слежу.

Пороки, доблесть, счастье и несчастье, —
Все для меня блестит, как маяков огни,
Я вижу в вас опять цветут былые страсти, —
То в мраке, то в лучах я вижу ваши дни!

Руины! — вы мне близки, вы душой родные, —
«Простите», каждый вечер вам шепчу с тоской, —
Где будете вы завтра, Евы вековые,
Которых Бог отметил злобною рукой?

СХVI. СЛЕПЫЕ

Душа моя, взгляни на них, — они поистине ужасны!
Они смешны, как манекены, смешны неловкостью
своей,

И, как лунатики, блуждают, пугая робких и детей, —
И взгляды мертвых глаз бесцельны и бесстрастны.

Глаза, в которых свет погас, глядят, но тьма кругом;
Стремится вечно в даль их взор, и к небу
устремленный,

Он не спускается с высот на землю, утомленный;
В их голове царят мечты, сердца объаты сном.

Пытаясь этот мрак пронзить своими тусклыми
очами,

Они бредут, но все для них покрыто мрачными
тенями,

А город-чудище живет, шумит, ревет, не умолкая;

В нем тьма страстей, они кипят, сердца людей
сжигая,

Но я несчастней тех слепых, усталый, всеми
позабытый,

Тащусь, и в небо не гляжу, измученный, разбитый.

СХVII. К ПРОХОЖЕЙ

Я шел но улице; вокруг все грохотало;
Вдруг я увидел женщину; она
Была нежна, прелестна и стройна,
Вся в трауре, и грусть над ней витала;

Осанка гордая, изгиб ноги античный,
Глаза блестят. Да я с ума сходил!
И вот, за ней, в экстазе, я следил,
В чаду шумевшей улицы столичной.

Ночь; свет неясный; призрак исчезал.
О, этот взгляд дарил мне грезы Рая!
Ужель навек тебя я потерял?

Я полюбил тебя, совсем не зная!
Навряд ли встретимся, — наверно никогда, —
Но память о тебе живет во мне всегда!

СХVIII. СКЕЛЕТ-ХЛЕБОПАШЕЦ

I

Случайно как-то, книги разбирая, —
На полках пыльных, — сотни их стояли
И, словно мумии античные, дремали, —
Я увидал: — гравюра дорогая.

Среди анатомических картин
Других невольно красотой выделялась,
В ней затаилась грусть сама, казалось, —
Такой сюжет мог породить лишь сплин.

На ней, с искусством ярким старой школы,
Скелеты страшные художник набросал;
Тот землю рыл, а тот ее пахал, —
Но земледельцы эти были слишком голы.

II

Да, пашете вы здесь, ужасные скелеты,
С трудом хребеты и кости напрягая,
Усилья страшные к работе прилагая, —
Но будет ли конец работе вечной этой?

Скажите ж мне вы, знавшие могилы,
Какую жатву вы желаете собрать,
Какому фермеру взялись вы наполнять,
Овин его? Откуда ваши силы?

Иль может быть хотите показать,
Эмблемой, до наглядности ужасной,
Что сон нам лжет, и что о жизни ясной,
Напрасно и по смерти нам мечтать!

Что лжет Небытие, и Вечность нас обманет,
Что нет покоя нам и отдыха нигде,
И будем мучиться мы все всегда, везде,
И что, увы, — для нас блаженство не настанет!

И там, где будем Рай искать напрасно мы,
Придется землю затвердевшую копать,
Кровавым потом ниву удобрять;
И жить в стенах томительной тюрьмы!

СХІХ. ВЕЧЕРНИЕ СУМЕРКИ

Вот чудный вечер, друг преступников, на землю
опустился;
Как заговорщик или волк он тихо подобрался,
и покрылся
Весь небосклон завесой темной, словно выгнутый
альков,
И люди превратились в хищников, иль
в маленьких зверьков.

О вечер, нежный вечер, желанный тем, кто днем
трудился
Без отдыха! Устали руки чьи, и потом лоб
покрылся;

Да, вечер освежает их, и мозг спокойно отдыхает,
И ум и сердце скорбное не так уже страдает;
Всех, всех, кто днем грустил, терзался и томился, —
Всех ожидает ночь, чтоб каждый сном забылся.

Но вот уж злые демоны, над городом летая,
Умы людей, картиной наслаждений соблазняя,
Стучатся в окна, в двери к ним, и властные зовут
Туда на свет, где слышен смех, где веселятся, пьют.
Темно на улице; и проститутки, словно тени,
Уже шныряют всюду; полно все видений...

Разврат-чудовище, победный, пролагая путь,
Как червь сосет у города его больную грудь,
Как жадный враг на улицах людей он стережет,
Их тело тощее и кровь, и силы их он пьет.
Посуды звон и голоса в тавернах, ресторанах,
Ревет театр, оркестр хрипит и крики пьяных;
А в клубах воры, шулера, кокоток жадных стая, —
И все волнуются, спешат, воруя, надувая;
Настанет скоро время их, когда совсем стемнеет;
Что значит им стащить, убить, никто не пожалеет, —
Ведь нужно ж им свободно жить, любить
и наслаждаться,
Своих любовниц содержать, самим играть,
питаться!

Мой дух, скорей забудь тот миг тяжелый
и ужасный,
Не слушай этот дикий рев неистовый и страшный!
О ночь! Томит, я знаю, всех она, пугает тьмою.
Мир ночью — госпиталь, где грозною судьбою

Все в бездну брошены, томятся там, горят,
И в мрак испуганно и с ужасом глядят.
Да, неизвестно, кто из них домой к себе вернется,
Увидит близких всех, счастливо улыбнется...

А большинство так даже вовсе счастья не видали,
И прелесть дома, ласк, тепла совсем не знали!

СХХ. ИГРА

Вот куртизанки сидят старые в креслах помятых,
Бледные, брови накрашены, лезть и покорность
в глазах,

Жмутся, жеманятся; много камней богатых,
Золото, жемчуг, рубины блещут в звенящих
серьгах.

Все за зеленым сукном здесь собрались и играют;
Лица потертые видны, губы белеют у них,
И в лихорадке игорной руки от страсти сжимают,
Ищут, несчастные, денег в тощих карманах своих.

Свечи сверкают вверху в люстрах больших,
загрязненных,

Бра, чуть мерцая на стенах, льют свой желтеющий
свет,
Хмурые лбы освещая жалких людей, огорченных;
Кровные деньги оставит здесь всем известный
поэт.

Эта ночная картина так угнетала меня,
Взглядом своим проникая всюду; я скорбь замечал, —
Сам же, в углу притаившись, я вдалеке от огня,
Всем им завидовал страшно и бесконечно страдал.

Я позавидовал с болью силе упорных страстей
В этих гетерах увядших, радости бешеной их;
Им, торговавшим телами, честью потерятой своей, —
Им я завидовал страстно в мрачных мечтаньях
своих!

Сердце мое ужаснулось, я их сумел разгадать:
Жалкие души стремились к бездне, манившей
сердца, —
Страстью своей опьяняясь, вечно готовы страдать,
Только бы жить им, играя, только б играть
без конца!

СХХІ. ПЛЯСКА СМЕРТИ

ЭРНЕСТУ ХРИСТОФОРУ

Гордая, живая, с видом дамы знатной,
Вся в уборе бальном, лентах, кружевах,
Тип шальной кокетки, худенькой и статной, —
И букет огромный, и платок в руках.

Кто когда заметил на балах прекрасных
Талию потоньше и наряд пышней?
И сухие ножки в башмачках атласных,
Под подолом платья, всех цветов нежней?

Рюш игриво жметя к чудной шейке той,
Как ручей звенящий у скалы прибрежной,
Словно защищая от насмешки злой,
Закрывает плечи он волной небрежной.

А в глазах бездонных пустота таится;
Весь в цветах роскошных череп этот белый
На хребте согнутом тихо шевелится...
Смерть! Небытие! Как ты оделась смело!

Выразить нельзя изящество структуры!
Ты, скелет — избранник вкуса моего,
Только тот найдет в тебе карикатуру,
Кто от тела пьян, и любит лишь его!

Ты пришла ль смутить своей гримасой злой
Праздник нашей Жизни? Или вожделений
И желаний прежних беспокойный рой
Вновь тебя влечет на шабаш наслаждений?

В пеньи скрипок буйных и в огнях потешных
Думаешь и ждешь ли что кошмар больной
Бросит твоё сердце, и что ад кромешный
Охладится в волнах оргии ночной?

Неиссякший кладезь глупостей, ошибок, —
Ты очаг предвечный всех земных скорбей!
Средь твоих костей, я вижу, зол и гибок
Все еще живет ненасытимый змей.

Правду говоря, улыбкам всем умильным
Я боюсь цены достойной не найти;
Счастье Ужаса знакомо только сильным, —
Кто из смертных знает верные пути?

Ямы глаз твоих, ужасных мыслей полных,
Испаряют одурь, горечь, тайный яд,
А оскал зубов, их два ряда неровных, —
Вечной и немой усмешкою томят!

Кто же не сжимал в объятиях скелета,
Кто же не питался трупом, как шакал?
Ни к чему духи и роскошь туалета
Для того, кто лучшим сам себя признал!

Средь толпы танцоров, вечно омраченных,
Баядерка, ты, безногая, скажи:
«Смерть уж в вас царит, в скелетах раздушенных,
Посреди румян, белил и гнусной лжи!»

Смерть захватит всех и увлечет с собою;
Антиной и денди, старец, ловелас...
Потрясая землю пляской роковой,
Смерть в безвестный край отправит скоро вас!

Стадо смертных скачет, одурью объято,
От холодной Сены к Ганга берегам...
Ангела труба, как мушкетон поднята,
Полная угрозы к мрачным небесам!

Всюду Смерть, следя, где только солнце светит,
За твоим кривляньем, жалкий человек, —
Надушась как ты, тебя насмешкой встретит, —
Ты под вечным страхом проживешь свой век!

СХХІІ. ЛЮБОВЬ КО ЛЖИ

Когда несешься ты, в истоме замирая,
Под звуки музыки, танцуя и скользя, —
В твоих очах тоска таится, дорогая,
И ту тоску ничем прогнать нельзя.

Когда пылает газ, ты кажешься бледнее,
И эта бледность так к тебе идет;
Глаза твои тогда блестят еще сильнее,
В них вечер и заря, восторг и тайный гнет.

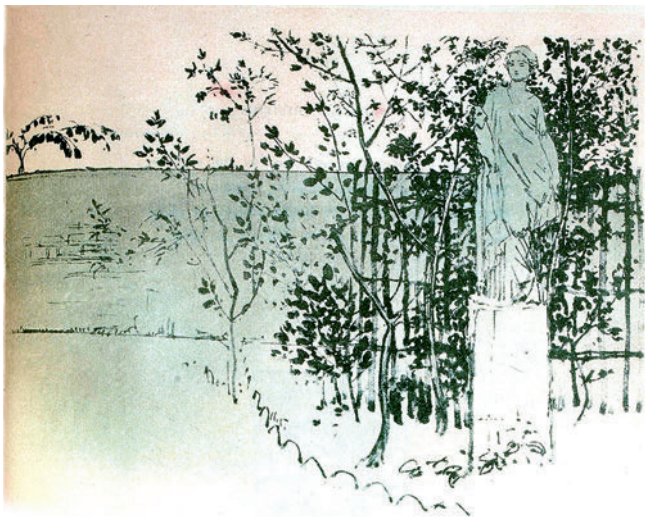
И вот я говорю: о, как она прекрасна!
Помятый персик — сердце бедное ее,
Но может полюбить глубоко, сильно, страстно,
И мысль о ней — все счастье мое!

Она, быть может, плод осенний, ароматный,
Иль урна грустная, что ждет рыданий, слез, —
Оазис, может быть, в пустыне необъятной, —
Цветов корзина, царство светлых грез?

Да, знаю я, бывают грустные глаза,
Без тайн заветных, сердцу так желанных, —
Как небо без святых, без молнии гроза, —
Глаза с оттенком грез мечтательных и странных.

Но не довольно разве внешности одной
Для счастья сердца? Правды в мире нет!
Пускай я увлекаюсь призрачной мечтой, —
О красота, — я шлю тебе привет!

СХХІІІ

Я не забыл наш белый тихий дом
Близ города, — ни рощицу кругом,
В которой статуи классических богов
Сверкали белизной среди густых кустов;
А солнце вечером, когда оно пылало

И в окнах сноп лучистый ярко отражало, —
Казалось глазом неба, что на нас глядел,
На ужин скромный наш, и ярко пламенел
На скатерти простой и скромной,
На занавеси саржевой и темной.

CXXIV

Служанка добрая, ты преданной была, —
Теперь в могиле ты; вокруг немая мгла;
Я отнесу тебе на свежий дерн цветов.
Ужасны муки бедных мертвецов;
Когда придет октябрь, деревья обнажая,
И ветер засвистит вокруг могил, рыдая,
Наверное покойники живущих проклинают,
Что те в постели спят, когда они страдают,
Объятые кошмарным, мрачным сном!
Всегда одни и никого кругом!..
Скелеты старые объедены червями, —

Вы мерзнете зимой, покрытые снегами,
Никто к вам не придет, нет близких и друзей
Убрать могилы ваши, счистить грязь с камней!
Пока огонь в камине тлеет и шипит,
Мне кажется, она вон там в углу сидит...
Нет, в самом деле, вдруг она придет,
Ко мне с улыбкой нежной подойдет,
Встав из земли, чтоб посмотреть хоть раз,
Свое дитя любимое, отраду старых глаз!
Что я могу сказать душе ее святой,
Глядя, как слезы льют из глаз пустых волной?

СХХV. ТУМАНЫ И ДОЖДИ

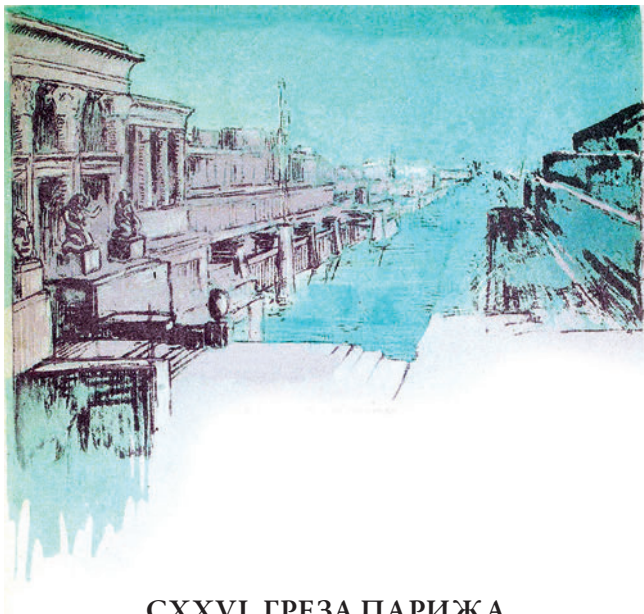
Вас, — осени конец, зима, весна гнилая,
Обманчивое время, — я люблю и знаю;
Окутали вы сердце, разум мой и силы
Туманным саваном и пустотой могилы.

В равнине этой, холод где, смеясь, царит,
И ночью флюгер, где и стонет, и скрипит, —
Такие дни мой дух весне предпочитает,
И крылья ворона широко раскрывает.

Для сердца, полного печали, нет милей,
Когда мороз сковал его, как птицу, —
Тебя, погода хмурая, моя царица!

Как долгод взгляд твоих бледнеющих теней,
Мы на случайном ложе без него,
Не усыпили б скорбь страданья своего!

СХХVI. ГРЕЗА ПАРИЖА

Константину Гюи

I

Я был картиной странной восхищен,
Которой никогда глаз смертных не видал:
Едва бледнел туманный небосклон,
Далекий и пустой, он утро предвещал.

Тот странный сон был полон ярких грез
И прихотливо-сказочных видений,
И он меня куда-то перенес,
Где не было травы и никаких растений.

И я, художник, взор мой просветлен,
Моей картиной чудной наслаждался,
Я однотономностью ее был опьянен, —
В ней мрамор и металл с водой сливался.

То Вавилона лестницы, аркады,
Колонны старого роскошного дворца,
Вокруг видны бассейны и каскады,
Вода течет, струится без конца.

Везде бегут, срываясь, водопады,
Как занавес кристальные, блестят,
Несутся влажные вспененные громады,
В стальных стенах крутятся и скользят

Деревьев нет, но всюду колоннады,
Их окружают спящие пруды,
На берегу гигантские наяды
Любуются собою в зеркале воды.

И, разливаясь, волны голубые,
Средь многоцветных твердых берегов,
Несутся сотни верст холодные, немые,
Стремясь к пределам сказочных миров.

Там были камни — яркие следы
Былых времен, волшебные потоки
И чистые сверкающие льды,
Как замки гордые, задумчиво-высоки;

Струились в небе звездные течения,
Беспечные и яркие, как свет,
Даря из урн своих восторги ослепления, —
И блеск алмазных, радужных планет.

Как архитектор сказочных затей,
Я строил, как того моя желала воля;
Прокладывал туннель под морем из камней.
И океан стонал униженный до боли.

Все, даже Мрак там радугой сверкал,
Сверкал, как свет таинственных огней,
И в славу гения торжественно вплетал
Кристалльный блеск струящихся лучей.

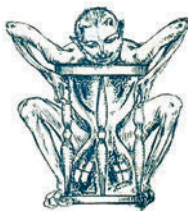
Ни светом звезд, ни солнечным сияньем
Картина эта ярко освещалась, —
Сама, полна чарующим сверканьем,
Она волшебною жемчужиной казалась.

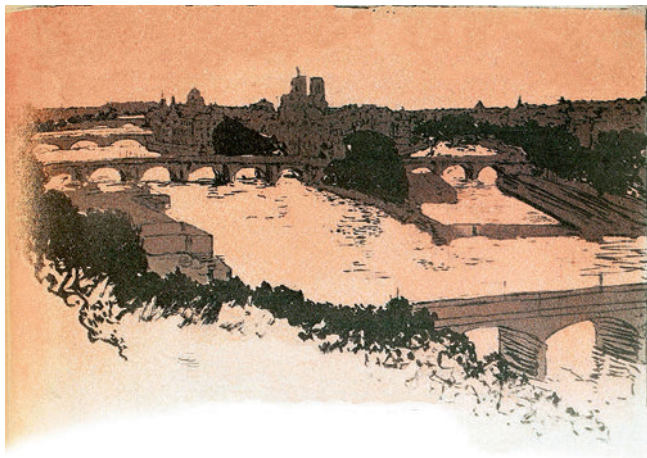
И над созданием фантазии богатой,
Где только все для глаз, где звуков вовсе нет
Как над пустыней, мрачным сном объятый,
Дарила тишина и этот дивный свет.

II

Я вдруг открыл глаза, — они еще пылали,
Я с ужасом мою конурку созерцал
И чувствовал, что в душу набегали
Заботы жгучие, как в море вал на вал.

Но вот часы двенадцать раз пробили,
Пробили грустно полдень роковой,
И тучи с неба мрак на землю лили,
Закрывши Мир густою пеленой.

СХХVII. РАССВЕТ

Уже бьют зарю в казармах на дворе,
И ветер задувает пламя в фонаре.

Настал тот час, когда дурных мечтаний рой
Кружит над юною курчавой головой;
Когда кровавым глазом лампа замигает,
И красное пятно, как вызов, дню бросает;
Когда душа, борясь с тяжелым, грубым телом,
Как лампа, днем горит в порыве смелом;
Когда лицо в слезах целует ветерок,
И воздух, полный дрожи, ясен и глубок, —
Творить устал поэт, а женщина ласкаться.

Вот дым из труб домов стал к небу подниматься,
Вот женщины, рабыни жалких наслаждений,

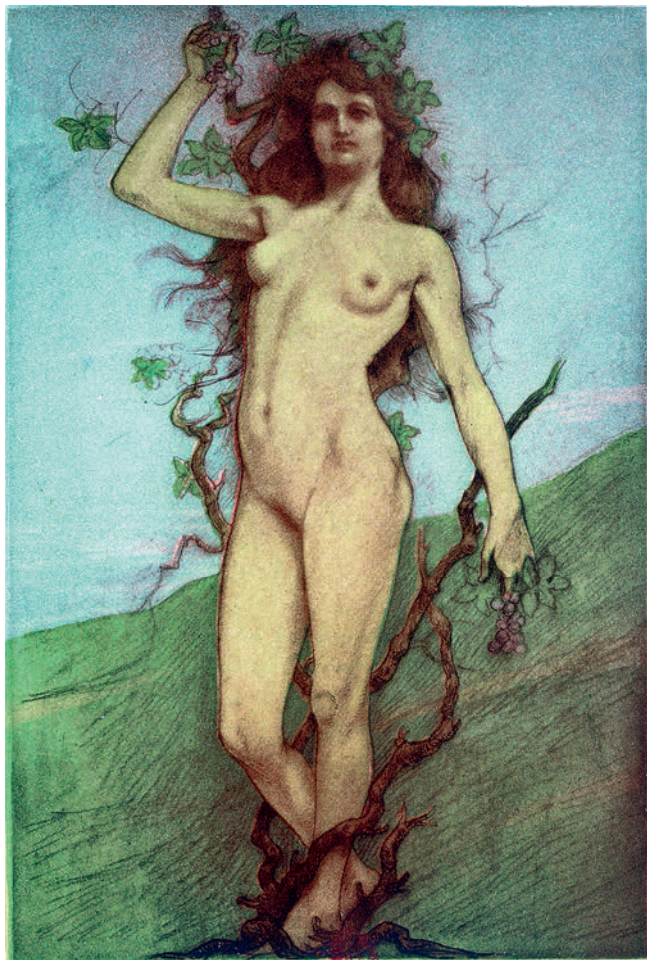
Забылись тяжким сном; они страшны, как тени.
И бедняки, с постелей жестких поднимаясь,
Спешат зажечь очаг, согреть себя стараясь;
Быть может в этот час от холода и стужи
Родившей женщине больнее стало, хуже;

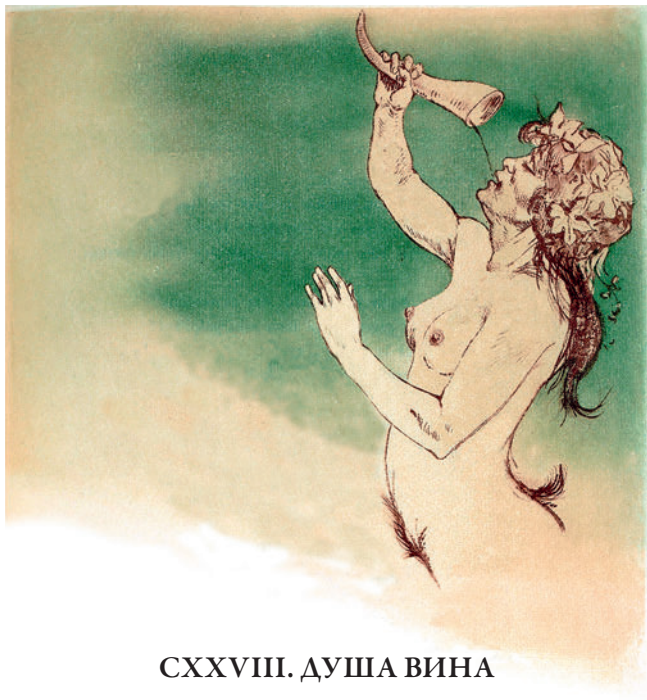
Вот, словно кто-то плач, рыданья оборвал, —
То петушиный крик неожиданно прозвучал;
Тумана волнами окутаны все зданья;
В больницах слышен стон последнего рыданья, —
Больные там с трудом в предсмертный час хрипят;
Развратники домой усталые спешат.

Дрожащая заря в уборе разноцветном,
Над Сеной поднялась в сверканьи искрометном;
Протер уже свои глаза Париж туманный
И принялся за труд, работник неустанный.

ВИНО

СХХVІІІ. ДУША ВИНА

Раз, вечером, душа вина мне из бутылки пела:
«Несчастный, бедный человек, тебе я рай открою;
В моей тюрьме кругом стекло, и в ней мне надоело;
Вот я к тебе сейчас приду, и песней успокою!

О знаю, много надо сил, мучений и работы
Трудиться целый день тебе под жарким солнцем
надо,

Чтоб душу оживить во мне; но, знаешь сам зато ты,
Я отплачу тебе потом, и ждет тебя награда.

Мне хорошо, когда тебе я в горло льюсь, сверкая;
Усталый бедный человек, измученный, голодный,
В твоей груди мой прочный склеп, могила мне
родная;
О, не сравнить её с тюрьмой, стеклянной и холодной!
Ты слышишь, как поют, шумят, — сегодня
воскресенье;
Я в грудь твою лила тебе надежду и покой;
Меня ты славить, знаю я; исчезнет страх,
сомненье,
И вот, довольный ты стоишь, за стол держась
рукой.

Огонь зажгу в глазах жены измученной твоей,
Больному сыну я верну все, что унес недуг —
Здоровье, силу, красоту и яркий блеск очей,
И будет сильным он опять, атлетом станет вдруг.

Я, как нектар, в тебя вольюсь, волшебный и живой,
Иль, как зерно, я упаду, — зерно, что бросил Бог,
Чтобы поэзия цвела в душе твоей больной, —
Чтобы волшебным цвел цветок и нежно, словно
вдох.

СХХІХ. ВИНО ТРЯПИЧНИКОВ

При тусклом красном свете фонарей
В предместье грязном голоса людей
Звучат во мгле туманной, замирая,
Бушует ветер, стекла разбивая.

И вот, по улицам тряпичник, пробираясь,
Идет, на тумбы и заборы натываясь;
Он смел теперь, он не боится никого, —
Откроет всем он тайны сердца своего.

Теперь он властелин, и клятвы всем дает
Создать законы правды, свергнуть злости гнет;
Он силою своей фиктивной опьянен;
И смотрит на него туманный небосклон.

Он, утомленный жизнью и годами,
Заботой о семье и тяжкими трудами,
Согнутый весь, — несет мешок большой
Со всяким мусором и разною трухой.

И выпив с верными и добрыми друзьями,
Седыми отставными усачами, —
(Теперь у них усы беспомощно висят) —
Болтает с ними он, глаза его блестят.

И им мерещатся знамена, барабаны, —
Увы, — пред ними только винные стаканы!
Им чудятся везде кровавые забавы,
Родной народ в сиянии вечной славы!

И льется в горло им вино струей блестящей,
И жизни нет для них тяжелой настоящей, —
Она исчезла! Небо их щадит, —
В сердцах тепло, и взор огнем горит.

Чтоб убаюкать грусть, смягчить для них страданья,
Для них, что мрут, безвестные в молчаньи, —
Господь придумал сон, а человек — вино;
Дитя прелестное, ты Солнцем рождено!

СXXX. ВИНО УБИЙЦЫ

Жена скончалась, цепи пали!
Напьюсь! Как я давно не пил!
Когда без денег приходил
Бывало я, — меня ругали.

Я царь, и все кругом мое;
Теперь я счастлив; небо ясно.
Да, было лето так прекрасно,
Когда влюбился я в нее!

От жажды горло все изныло, —
Немало надо мне вина,
Чтобы душа была пьяна;
Залью вином жены могилу!

Да, я убил, не отрираюсь, —
В колодезь я ее свалил,
Потом камнями завалил;
Забуть ее я постараюсь!

Во имя клятв, потухшей страсти, —
Мы их не можем не любить, —
Чтоб помириться, все забыть,
Как в дни промчавшегося счастья,

Ее просил я, чтоб она
В глухую ночь пришла к дороге;
И вот безумие! О боги! —
Она пришла... Любовь сильна!

Она была еще прелестна,
Хотя устала; я любил...
И потому ее убил!
Зачем? Зачем? О, — неизвестно!

Моя душа была мрачна,
Меня никто не понимал,
И ночью я один страдал;
Хотел сшить саван из вина!

Да — вы, конечно, не могли, —
Вы только пьяницы — машины, —
Постигнуть прелести земли,
Понять прелестные картины, —

Понять любовь и красоту,
Невыразимые мученья,
Страданья, яд и наслажденья, —
Понять и счастье и мечту!

Я вновь свободен; привиденья.
Долой! Мертвецки я напьюсь,
Где ни попало повалюсь,
И позабуду угрызенья,

Заснув, как пес. И вот, во сне
Меня телега переедет,
Иль может быть вагон наедет,
Отрезав руку, ногу мне.

Не все ль равно? — земным кумирам
Служить не стану больше я, —
Бог, Дьявол — равны для меня, —
И я смеюсь над целым Миром!

СXXXI. ВИНО ОТШЕЛЬНИКА

Взгляд женщины чарующе-манящий,
Что в сердце нам скользит, как нежный луч
Луны, глядящей в озеро из темной массы туч,
И в нем купающей небрежно лик блестящий, —

Последний грош, что брошен игроком на стол,
Объятая жаркие красавицы Адели,
Мелодий нежных искристые трели

Рыданья, муки всех скорбей и зол, —
Все, все — ничто в сравнении с тобою,
Бутылка полная; о, из тебя струею

Для бедного поэта льется утешенье;
Ему даришь ты юность, счастье, силу, страсть
И гордость — клад для тех, кто не сумел не пасть;
Вино, — ты нам даешь и Рай, и Просветленье!

СХХХІІ. ВИНО ЛЮБОВНИКОВ

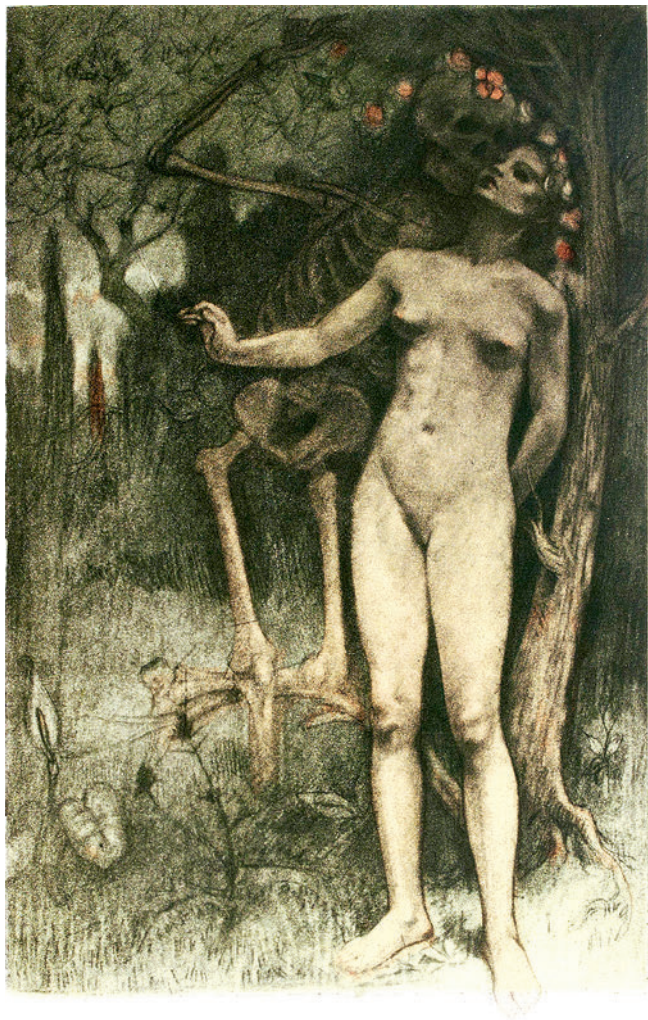
Сегодня так чисто и ясно кругом!
Опьянялся всеильным вином,
И умчимся без шпор, без удил, —
В небо, в царство блестящих светил!

Как два ангела, мы унесем с тобой
К небу, вверх, где простор голубой;
В это чудное, нежное утро,
Мы потонем в лучах перламутра!

Будем слабо на крыльях качаться,
Будем в вихре кружиться вдвоем,
И в бреду от истомы смеяться.

О Сестра! Ближко вместе с тобой поплывем,
И кругом — никого, я и ты, —
Ожидают нас Рай, красота и мечты!

ЦВЕТЫ ЗА

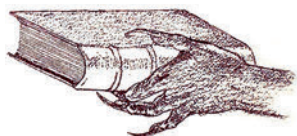
СXXXIII. ЭПИГРАФ К ОСУЖДЕННОЙ КНИГЕ

Если, читатель, живешь ты в неволе,
Если ты добрый, наивный, простой,
О, скорей эту книгу закрой, —
Эту книгу мечтаний и боли.

Если не смог ни теперь, ни в прошедшем
Ты Сатану разгадать, —
В этой книге тебе ничего не понять, —
А меня ты сочтешь сумасшедшим.

Но если сумел ты себя закалить,
И в бездну взглянуть с содроганьем, —
Читай, чтоб меня научиться любить.

Душа, утомленная долгим страданьем
В искании Рая, — почувствуй ко мне сожаленье,
А нет, — так проклятье тебе и презренье!

СXXXIV. РАЗРУШЕНИЕ

Надо мною вьется Демон, искушая, соблазняя, —
Он невидим, но я знаю, — он вот тут, всегда со
мной;

Словно воздух, он прозрачен, я его в себя вдыхаю,
И во мне он порождает страсти жар, желаний рой.

Зная, как люблю искусство, — он порою
принимает

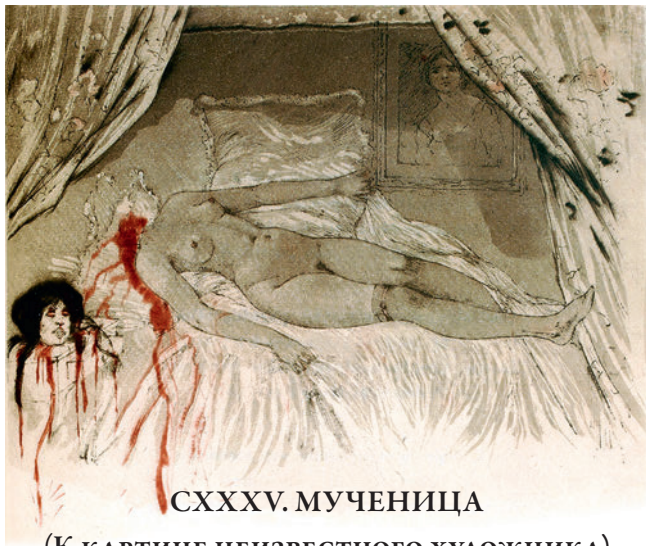
Образ женщины, и дразнит, возбуждая страсть
во мне.

Под предлогом благовидным он все раны
открывает, —
Раны сердца, что таятся в бесконечной глубине.

Он меня ведет с собою вдаль от Бога, все вперед;
Задыхаясь, утомленный, я иду, — на сердце гнет;
Бесконечная дорога; скука страшная кругом.

И блуждая диким взором, весь израненный,
больной,
Я тащусь... вокруг пустыня, точно выжжена огнем,
Меркнут очи, тело гибнет; скоро дух угаснет мой!

СXXXV. МУЧЕНИЦА

(К КАРТИНЕ НЕИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА)

Вазы, мебель низкая, роскошные картины,
Мрамор, золото, цветы;
Шитые шелками тонкие гардины,
Платья, — блеск и чудо красоты;

Воздух тепловатый, как в оранжерее,
Испарений едких тонкий яд;
В хрустале букеты, и над ними рея,
Вьется странный мертвый аромат.

На постели труп, весь голый и прекрасный,
Но с отрубленною мертвой головой;
Вся постель в крови, как пурпур ярко-красный, —
Тишина и гробовой покой;

Голова, как призрак страхом порожденный;
Тут же, на постели с массою волос;
Страшен этот взгляд куда-то устремленный, —
В нем отчаянье с безумием слилось.

Рядом, на столе, валяются браслеты,
Кольца, серьги, — всюду жемчуга;
Тело чудное лежит совсем раздето, —
Кровью залита одна ее нога.

Разметавшись в позе дивной и прекрасной.
Тело это полно красоты;
Сколько в нем желанья, сколько неги страстной, —
Контур его изящны и чисты.

Розовый чулок один надет и стянут —
У колена тонкою подвязкой;
И куда глаза испуганно не взглянут, —
Всюду ужас смерти в этой мрачной сказке.

На стене портрет красавицы убитой, —
Томно он, чарующе глядит,
И глазами смелыми о страсти позабытой,
О любви прошедшей говорит.

Да!., от шумных оргий, от мятежной страсти
И от поцелуев так погибла ты,
Но зато узнала ты восторги счастья,
Поняла всю бездну мрачной красоты.

И теперь, здесь лежа на постели этой,
Позволяешь любоваться всем, —
Пусть тебя увидят голой, неодетой —
Эти плечи, стан, с ума сведут совсем.

Молода еще ты; но скажи, искала —
Ты сама искала счастья и любви?
Наслаждений, страсти, — ты не тосковала,
Не пылал огонь в твоей крови?

Кто ж убийца зверский? Иль в безумной страсти
Так безжалостно убита ты была?
И холодный труп лишь дал убийце счастье, —
Но живой себя ты не дала?..

Отвечай же мне, — горячими руками,
Потянулась ты к нему в последний миг?
Голова, скажи, палящими устами
Он к устам немеющим приник?

Скрытая от света, от толпы развратной,
Далеко от всех печалей и страстей, —
С миром спи в своей могиле ароматной,
Спи в постели царственной своей.

Твой супруг теперь страдает бесконечно,
Красоты твоей не может он забыть;
Ты ему верна, и будешь верной вечно, —
Как и он не сможет изменить!

СXXXVI. ОСУЖДЕННЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Словно животные, греясь на жгучем песке,
Тихо лежат они, море вдали созерцая;
Ноги их тесно сплелись в бесконечной тоске, —
Гложет их скука и мучает, души сжигая.

Эти секретами делятся, сердце свое открывая,
Бродят по лесу они, там где шумит ручеек,
Или болтают друг с другом, детство свое
вспоминая;
Вот увлеклись, позабылись, — и мир этот бедный
далек.

Те, словно сестры, обнявшись ходят, гуляют у скал
Серых, угрюмых; скользили здесь раньше виденья,
Здесь когда-то Антоний, спасаясь в пещере, видал,
Голые женские груди — источник своих
искушений.

Есть же такие, что ночью в темной пещере сидят;
Страстью трепещут сердца их, воют и плачут,
в груди
Вакха они призывают, и в иступленьи кричат:
О наш спаситель великий, здесь мы томимся,
приди!>

Есть, наконец, и безумные — те, что себя истязают,
В лес уходя и бичуя друг друга, смиренно живут;
Но иногда с этой жизнью святою иную мешают,
В бешенстве страсти одежды священные рвут.

О чудовища! Демоны-девы! Вы жертвы людских
наслаждений,
Жертвы бессильные жизни! Исчез уж великий
ваш ум,
И вы ищете только ничтожных побед,
приключений,
То нахально-циничны, то полны таинственных
дум.

СXXXVII. ДВЕ СЕСТРЫ

Разврат и Смерть — две нежные сестры,
Всегда в труде, и нет у них детей,
Их поцелуи жгучи и остры,
Они здоровы в нищете своей.

Поэту, — враг семьи он, очага, —
Любимцу Ада, куртизанке модной —
Укажут путь они, — их красота нага, —
К притону и к могиле темной и холодной.

Непеременно сестры предлагают нам
Гроб и постель с отравою проклятья,
Покой небытия и жаркие объятья.

Когда, Разврат, ты приберешь меня к рукам?
Иль Смерть, соперница, с тобою в обаяньи,
Средь мирт погасит все мои страданья?

СXXXVIII. ФОНТАН КРОВИ

Мне кажется, что кровь размеренной струей
Течет из раны страшной, роковой,
Напоминая скорбные рыдания, —
Но раны не найти — бесплодны все исканья.

За город, все вперед, через леса и нивы,
Она течет туда, где так поля красивы;
Напились кровью все, и больше жажды нет;
Весь Мир окрашен в темно-красный цвет.

И часто я просил у крепкого вина
Забвенья хоть на час, чтоб отдохнуть душой;
Напьюсь, — глаза ясней и слух острее мой.

И я искал в любви покой и грезы сна,
Увы, — она постелью из иголок мне была,
И каждая из женщин кровь мою пила!

СХХХІХ. АЛЛЕГОРИЯ

Эта женщина прекрасна, — шея чудная у ней, —
И в бокал с вином спустился завиток ее кудрей;
Все скользит по ней бесследно; жизнь для счастья
ей дана,

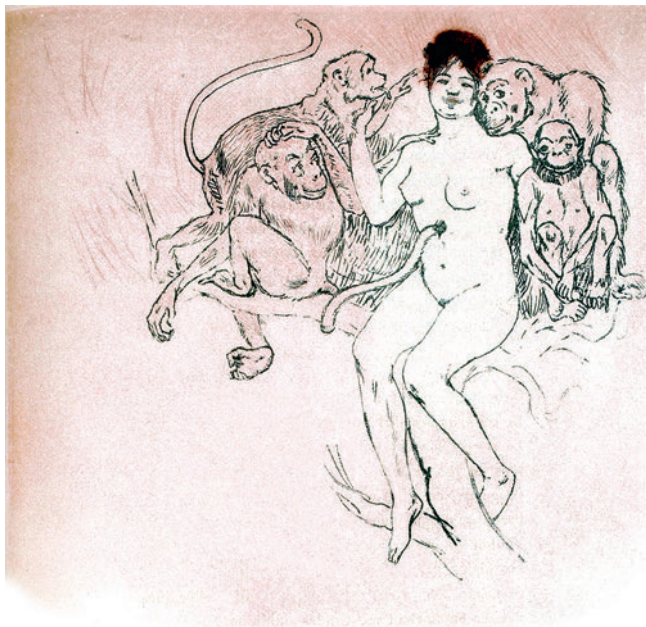
Не вредят ей страсть, забавы, яд дешевого вина;
И смеясь над Смертью жадной, не боится ничего
Это чудище с когтями, — даже Бога самого.
И в ее затеях диких смысла нет и нет ума;
Тело гибкое упруго и, как ствол, она пряма;
Выступает как богиня, как султанша хороша,
И душа царицы юной — мусульманская душа.
Грудь волнуется от вихря в ней бушующих
страстей,

И она зовет в объятья все народы, всех людей.
Знает юная весталка, что в природе красота
Дар великий, с ним сравнится только греза
и мечта;

И она отлично знает — все во имя Красоты:
Грех, порок, любовь и слава, серенады и цветы.
И она не знает Ада, но и Рай неведом ей;
Час придет, она без страха, погрузится в мрак
ночей.

И в глаза посмотрит Смерти, как наивное дитя,
С лучезарною душою, не тоскуя, не грустя.

СХЛ. БЕАТРИЧЕ

В пустыне бесплодной, сожженной, где кустика
свежего нет,

Бродил я однажды случайно, кляня и себя
и весь свет.

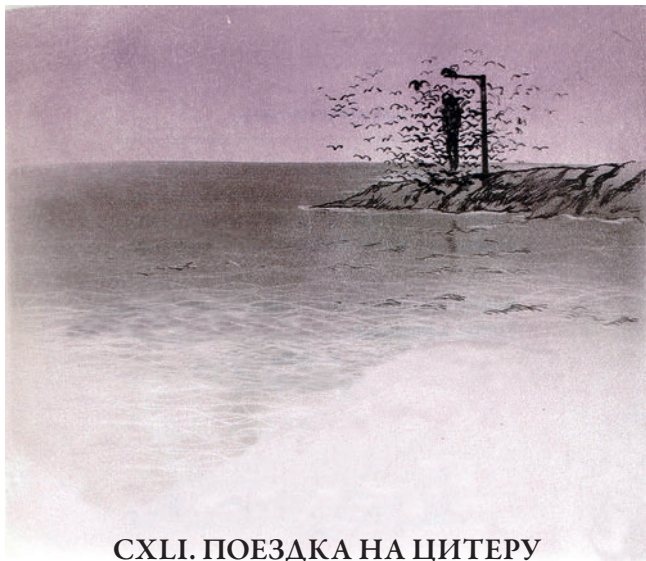
Мелькали неясные мысли, и я угнетенный страдал,
На сердце точка и ровня блестящий холодный
кинжал.

Был полдень, и солнце сияло; но вот, над моей
головой

Слегка затемнело, и небо пугало, страшило грозой;

Я мог бы, конечно, не слушать нелепый
насмешливый вой,
Ведь гордость моя бесконечно ушла в небеса;
и со мной
Они не сыграли бы шутки, но я увидал среди них
Царицу мою, что сверкает светлее лучей золотых.
О ужас! в толпе безобразной, где так поносили
меня, —
Моя дорогая смеялась, — тот смех разносился,
звоня,
Над скорбью глубокой моею с восторгом она
издевалась,
И к карликам мерзким порою она безобразно
ласкалась!

СХЛІ. ПОЕЗДКА НА ЦИТЕРУ

Мое сердце, как птица на воле, порхало
И свободно летало вокруг корабля;
Небо ясное, море, — далеко земля,
И судно, словно Ангел, под солнцем сверкало.

Что за остров печальный мелькает вдали?
— То Цитера известная, — мне отвечали, —
Рай, где юные старцы всегда отдыхали; —
Не смотри, — это жалкий клочочек земли.

Это остров, хранящий любовные сказки,
Он богине Венере давно посвящен,
Гордый призрак, над морем раскинулся он,
Полный страсти и зноя томительной ласки.

Дивный остров, где много и мирт, и цветов,
Почитаемый всеми и вечно желанный, —
Где неясные шорохи, вздохи и странный
Аромат заповедных цветущих садов.

Где воркуют голубки, любя и тоскуя,
Это было. Теперь же Цитера не та, —
Всюду голые скалы, везде пустота, —
С любопытством на вид этот грустный гляжу я.

Нет там храма под сенью деревьев тенистых,
Жрицы нет молодой и влюбленной в цветы,
Не спускается к храму она с высоты,
Ветерок не играет в одеждах душистых.

И когда наш корабль к берегам приближался,
Паруса наши птиц, разогнав, испугали, —
И в тени кипариса мы вдруг увидали,
Как на сучьях повешенный тихо качался.

И жестокие птицы над трупом кружились, —
Стая черная шумно на нем пировала, —
Раны гнойные каждая птица клевала,
И зловонные капли крови оттуда сочились.

Вместо глаз провалившихся — дыры зияли,
Весь живот развалился, кишки открывая,
И висели они, на ногах прилипая,
Как гирлянды они этот труп оплетали.

А у ног стая хищников жадных собралась;
Кверху морды подняв, звери выли кругом;
Труп они окружали сомкнутым кольцом,
Ожидая, чтоб падаль к ним вниз оборвалась.

Сын прекрасных небес, обитатель Дитеры, —
Молчаливо ты должен бесчестье сносить,
Чтоб грехи и паденья свои искупить,
Оправдать заблужденья мистической веры.

О несчастный, — пойми ведь понятны и мне
Твои прежние скорби, мученья, страданья;
Поднимаются к горлу глухие рыданья,
Сердце рвется на части, пылает в огне.

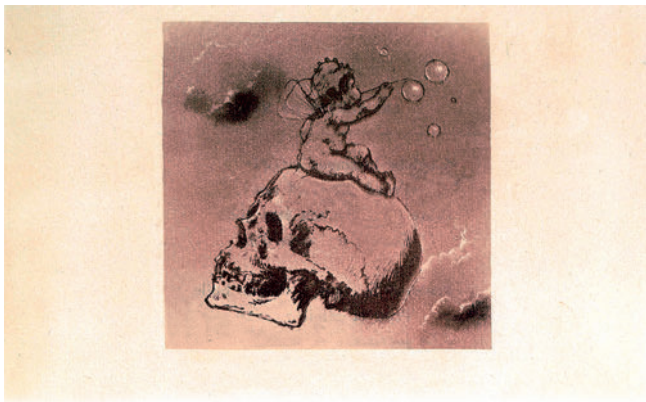
И увидев тебя, воскресил я в душе отжитое,
Я почувствовал клювы терзавших тебя палачей —
Черных воронов, диких пантер, кровожадных
зверей;

И как прежде бывало, измучилось сердце больное.

Было чудное небо, и море сверкало,
Мне ж казалось что всюду кровавый туман,
И настолько был силен кошмарный обман.
Что, под саваном скрытое, сердце рыдало.

И на острове том, где двойник-привиденье,
Я не мог бы, Венера, живя, не страдать!
О Господь, пощади! Дай мне сил созерцать
Мое тело и дух без тоски отвращенья!

СХЛII. АМУР И ЧЕРЕП

(Старинная виньетка)

Амур на череп сел людской,
Как будто то был трон;
Усевшись там, смешной игрой
Тотчас занялся он, —

Он из него стал выдувать
Рой мыльных пузырей,
И в воздух начал их пускать,
Чтоб с Миром слить скорей.

Вот он летит, блестящий шар, —
Достигнул высоты...
Но лопнул вдруг, — остался пар, —
Рассеялись мечты...

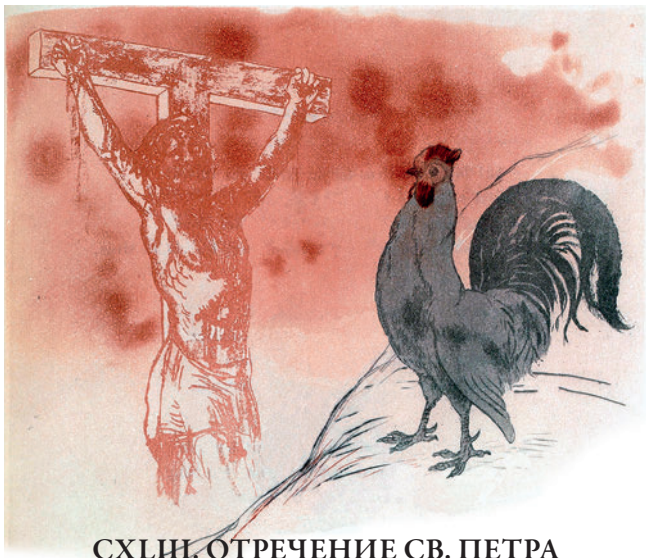
И стонет череп, свет кляня,
Когда пузырь летит:
«Ведь это мука для меня!
— Когда он прекратит

Свою игру? — убийца злой,
Меня он губит вновь, —
Мозг выдувает бедный мой
И выливает кровь!»»

ПРОТЕСТ

СХЛШ. ОТРЕЧЕНИЕ СВ. ПЕТРА

Бог, окруженный сонмом ангелов, мечтает...
Ему так хорошо, уж Он во власти сна,
О как тиран, напившийся вина,
Под грохот богохульств Он тихо засыпает.

Казненных мучеников вопли и рыдания
Его, как музыка, ласкают и пьянят;
Когда Он видит кров, глаза Его горят,
И небеса полны кровавого желанья.

О Иисус, Ты не забыл ту ночь сомнений и печали
В саду!.. Ты так наивно умолял Того,
Кто в небесах надменно хохотал,
Когда Тебя безумцы распинали!

Когда Тебе в лицо плевала
Толпа обжор, солдат и беглецов,
Когда вся эта свора наглецов
Твой кроткий Лик шипами увенчала, —

Когда измученный Ты на кресте висел,
И пот кровавый с бледного чела струился, —
Когда народ так над Тобой глумился,
И каждый на тебя со злобою глядел, —

Ты вспомнил ли те дни восторга и надежды,
Когда Ты подъезжал к ликующей столице,
К Иерусалиму, на простой ослице,
И толпа Тебе бросала вербы и одежды, —

Или когда победно-вдохновлен,
Ты торгашей изгнал их храма с омерзеньем, —
Когда учил?.. Не раньше ли душа наполнилась
сомненьем?

Не прежде ли, чем бок железом был пронзен?

— Довольно, я уйду, я все перестрадав,
Уйду из Мира обновленный
И упаду на меч окровавленный!
О Петр! Отрекшись, ты был прав!

СXLIV. АВЕЛЬ И КАИН

I

Потомки Авеля, вы ешьте, спите, упивайтесь, —
Господь к вам милостив, Он к вам благоволит, —
А вы, потомки Каина, — страдайте, унижайтесь, —
И пусть ваш стон отчаяньем звучит.

Потомки Авеля, — от вас всегда во время
Все жертвы: их примет в небе ваш Отец, —
А вы, потомки Каина, — отверженное племя,
Мученьям вашим будет ли конец?

Потомки Авеля, — смотрите: и посевы,
И скот у вас всегда богаты и пышны, —
Потомки Каина, — найдете пищу где вы? —
Вы, как собаки, вечно голодны.

Потомки Авеля, — утробы ваши грейте
У очага, в семье и на досуге, —
Потомки Каина, — и думать вы не смейте
О холе, о тепле, дрожа в своей лачуге.

Потомки Авеля, — любите, размножайтесь,
Детей родите, радуйтесь на них, —
Потомки Каина, — всегда остерегайтесь,
Сердца горят у вас, но голод страшен их.

Потомки Авеля, — как гады пресмыкаясь,
Вы верите в могущество Творца;
Потомки Каина, — в грязи всегда валяясь,
Вы гибнете, несметно, без конца...

II

Потомки Авеля, — телами удобрите
Вы грунт земли и вскормите его;
Потомки Каина, — быть может завершите
Вы дело ваше, верьте все в него!

Потомки Авеля, — вы в свой позор взгляните —
Меч жалким плугом побежден!
Потомки Каина, — на небо поднимитесь,
И Бог, — пусть вами будет сброшен он!

СXLV. АКАФИСТ САТАНЕ

О ты, из духов всех мудрейший и могучий!
Ты — бывший Бог, и почестей тебя лишил лишь
случай;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

О ты, защитник угнетенных, за что тебя клянут
и ненавидят?

Низвергнутый, ты снова восстаешь, и люди это
видят!..

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

О ты, всезнающий, подземных тайн властитель,
И всех людских скорбей всесильный исцелитель!

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

Ты бедных прокаженных нищих посещая,
С любовью им даришь мечты и грезы Рая;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

О ты, от Смерти, от своей любви
Родил Надежду нам с безумием в крови!

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

Ты взгляд преступников мягчишь и укрепляешь,
У эшафота их толпу ты осуждаешь;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

Ты, знающий где Бог ревниво-жадный
Зарыл сокровища земли в пустыне безотрадной;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

О ты, чей взор искать умеет во мраке глубины,
Где спят сокровища металлов, давно погребены;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

О ты, рукой которого заботливо хранимы,
Лунатики скользят, над бездной невредимы;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

О ты, который исцеляешь всесильной волею своей
Несчастливого, попавшего под быстрый бег коней;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

О ты, который стал нас бедных утешать,
И давши порох нам, нас научил стрелять;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

О ты, отметивший своей печатью прочной
Лоб Крёза-богача с душой его порочной;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

О ты, вложивший в сердце девушек искусство
В нас возбуждать любви всеильной чувство;

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

Светильник избранных и жезл всех угнетенных,
О исповедник душ, убитых и казненных!

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

Отец, усыновивший тех, кого в безумном гневе,
замирая,
Наш Бог-отец лишил земного Рая...

О Сатана, к ничтожной доле человека склони свой
взор!

МОЛЕНИЕ

Хвала тебе и слава в вышних, где ты царил когда-то,
Сатана!

Хвала тебе в Аду, где в вечном царстве сна,
Низвергнутый, ты замолчал, тая свои мечтанья.

О, сделай так, чтобы когда-нибудь моя душа под
деревом всезнанья,

Вблизи тебя, могла бы отдохнуть в тот миг, когда
чело твое коснется

Побегов дерева, и новый храм из их ветвей
над ними заплетется!

СМЕРТЬ

СXLVI. СМЕРТЬ ЛЮБОВНИКОВ

Мы надушим постели свои ароматом,
Наподобье могил мы диваны поставим с тобой,
И в дыханьи цветов опьяненно-богатом,
Мы уьемся небесной мечтой...

И последним лобзаньем любви согревая,
Как два светоча ярких, сердца загорятся огнем,
И в объятья Вечность нас примет немая,
Нераздельных и слитных во Всем.

СХL.VII. СМЕРТЬ БЕДНЯКОВ

Только Смерть лишь одна нам дает утешенье,
Для себя, заставляя и жить, и страдать;
К нам являясь, она укрощает мученья; —
Только Смерть заставляет нас Жизнь понимать.

В непогоду и бурю, под градом и снегом,
Мы стремимся вперед, и одна лишь она
Манит нас и уютным, и теплым ночлегом.
И блаженством, и отдыхом тихого сна.

Словно Ангел, покой и дремоту держащий
В своих тонких руках и над нами парящий, —
Беднякам приготовит и ложе, и кровлю — все он.

Это божеский дар и конец наших страшных
мучений.

Это дар благодати, без горя, борьбы и сомнений, —
Это вечно-небесный, покойный и радостный сон!

СXLVIII. СМЕРТЬ АРТИСТОВ

О, сколько раз придется мне в личины наряжаться,
И в этой маске глупо-шутовской,
С безумной болью в сердце и с тоской,
Для целей высших пред толпой кривляться?

Мы тратим силы, мозг мы расплавляем,
Чтоб воссоздать картину первозданных снов,
Чтоб людям облегчить всю боль земных оков,
Горим желаньем мы; и все же, бессильные, рыдаем.

Есть скульпторы, не знавшие кумира, —
Они отмечены позором и стыдом,
Они терзают грудь Природы молотком, —

У них надежда есть на жизнь иного Мира,
Для них сплетает смерть узорные мечты,
Чтоб разум их расцвел, как яркие цветы!

СXLIX. КОНЕЦ ДНЯ

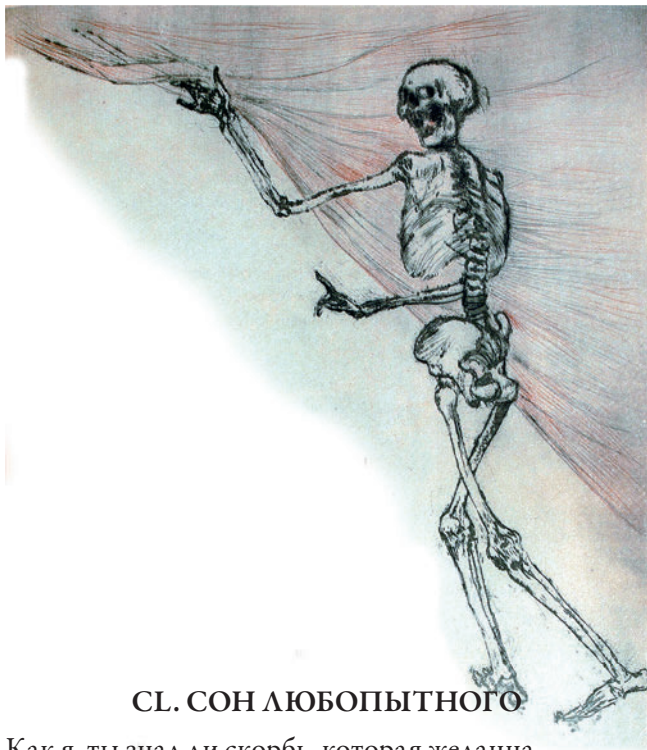
В умирании дня переходо-туманном
Жизнь так пошло и нагло кружится;
В диком смехе таинственно-странном
Быстро, быстро как время, струится...

Сладострастная ночь завладела землей,
И надела свой темный венец;
Укротила она знойной лаской своей
Все вокруг; и поэт говорит: «наконец! —

И разум, и тело ужасно устали!
Я хочу позабыться, заснуть;
Сердце видит неясные дали,

В них хочу я совсем утонуть,
Погрузиться, забыться, уснуть,
Чтобы свежие волны меня качали!»

СЛ. СОН ЛЮБОПЫТНОГО

Как я, ты знал ли скорбь, которая желанна,
Которая душе понятна и близка?
И слышу я: о человек смешной и странный, —
Ведь и в моей душе жила змея-тоска!

И в ней надежда с горестью сливалась,
И чем неслоь быстрее завистливое время, —
Тем пытка для меня ужаснее казалась,
И сердце не могло нести такое бремя.

Я, как дитя, пред занавесом театральным
Стоял и трепетно чего-то долго ждал...
И вот он взвился вверх, — я правду увидел!

И умер я, — душа моя порвалась;
И странная заря так близко улыбалась, —
Я видел все, — но все чего-то ждал!

СЛІ. ПУТЕШЕСТВИЕ

Максиму дю Камп

I

Ребенок, влюбленный в картины с красивым
сюжетом, —
Он не видит вселенной в восторге, в веселье своем;
Огромен наш мир, освещенный искусственным
светом,
Но ничтожен и мал в пережитом, в былом!

И однажды, по утру, тоски и страдания полны,
Отправляемся в путь мы со злобой и горечью дум;
Поплывем мы по морю, и нас забаяюкают волны
И в ритмичном качаньи своем успокоят наш ум.

И бешено мчимся, стремясь к одному —
отдохнуть!

Душа, как корабль трехмачтовый, несется;
Вдруг, голос победно на мачте, вверху прогремел:
«Откройте глаза, вам и Счастье и Слава смеется!»
Проклятье! — корабль на скалу налетел!

Чуть лоцман нам крикнет, что остров вдали
показался, —
Мы думаем: это нам Рай, уготовленный нашей
Судьбой,
Но Рай этот в свете дневном оказался —
Простою подводною острой скалой!..

О бедный матрос! Ты, влюбленный в миражные
дали!
Швырнуть тебя в море, иль в цепи тебя заковать?
Теперь еще больше тоски и вернувшейся снова
печали;
О бедный пьянчужка, Америку вздумавший вновь
открывать!

Да, вот он, бродяга, каков, — он и старый,
и грязный, —
О блеске, о Рае, о счастье мечтает,
Он в грезах уносится вверх от лачуги своей
безобразной,
Где тускло свеча догорает...

III

О путник! странные в ваших глубоких, как море,
глазах

Мы видим картины волшебных и дивных
сказаний.

Откройте нам перлы, сокрытые в ваших очах, —
Поведайте нам приключения ваших скитаний!

Без руля и без пара, мы хотим путешествовать,
с вами идти.

Разгоните тоску нашей вечной тюрьмы,
Нарисуйте картины пройденного вами пути,
Расскажите нам все, чтоб забылись, рассеялись
мы...

Расскажите, что видели вы?

IV

«Нас воды качали,
Мы видели звезды, мы шли по сыпучим пескам,
От зноя и холода тяжело страдали,
И часто бывало невесело нам.

И солнечный свет на волнах, и напевы прибоя,
И город в багряном, закатном огне,
Рождали в сердцах беспокойную жажду покоя,
Хотелось забыться в небесном сияющем сне.

Но ни замок богатый, ни вид на долины,
Никогда не ласкали так сильно наш взор,
Как вверху облака; о, какие картины,
О, какие желанья, рождал их узор!

Всегда наслажденье желанию силы дает, —
Так дерево корни землею поит и питает,
И крепнет оно, и растет, и живет,
И солнце ветвями в мечтах обнимает!

Как долго ты будешь расти, о дерево ваших
желаний?

Прочней кипариса оно, в нем сила таинственно
скрыта;

Но вот мы даем ряд эскизов из наших скитаний, —
О братья, — вам кажется то хорошо, что уже
пережито!

Мы идолам ложным с мольбой поклонялись,
Мы видели троны из блеска планет,
Роскошным дворцам без конца удивлялись, —
Таким, что у вас и в мечтаниях нет.

Мы видели женщин, костюмы их нас ослепляли,
Накрашены ногти и зубы у них, —
Видали факиров, что змей ядовитых ласкали...

V

А еще, а еще, что же дальше?

VI

«О детские умы!»

Расскажем главное; невольно, не желая,
Мы видели на жизненном пути:
Отверху до низу, — все гибнут в жажде Рая,
И всюду грех, и некуда идти;

Вот женщина-раба, надменна и труслива, —
Она умеет лишь одну себя любить, —
Мужчина-зверь, развратник горделивый, —
Он раб рабы, иным ему не быть;

Вот жертва бьется, а палач хохочет;
Вот шумный праздник, — но в бокалах кровь;
А вот кумир, — он может все, что хочет, —
И подлая толпа дарит ему любовь.

Религий много есть и разных, и похожих;
Все рвутся в небо, а святая чистота, —
Она, как бы постель, она для всех прохожих, —
Идут в веригах к ней, — она ведь так чиста;

И человечество в безумной, дикой страсти,
Теперь, как и всегда, как прежде, в старину, —
Зывает к Богу, видя в нем свое несчастье:
«О Ты, мой Бог! — Я образ твой, но я тебя
клянущ!»

Одни любовники Безумия стремятся,
Они одни бегут толпы, затравленной судьбой,
Умея опиум всесильным опьяняться.
Вот жизнь! Вот Мир! Вот шар земной!

VII

Вот что мы вынесли из наших наблюдений:
Сознание горькое о пошлости людской,
Все люди мелки, нет у них стремлений, —
Мы всюду видели ужасный образ свой.

Остаться? — убежать? — Не можешь оставаться —
Беги! И вот, один бежит, другой, играя в прятки
Со Временем, спокойным хочет показаться,
А третий, — тот бежит без дум и без оглядки.

Как Вечный Жид, стремятся все вперед,
На кораблях, в вагонах убежать
От этого бойца, который смерть несет, —
Хоть знают все, — ее не избежать.

И вот, когда он ставит нам на горло ногу
И душит нас, — мы все кричим: «вперед!» —
И отправляемся в далекую дорогу,
Где неизвестное нас ждет.

Как юноша с душой открытой и кристальной,
Несемся в море мы, где вечный мрак висит;
Вы голос слышите ласкающе-печальный, —
Он песнью нас чарует и живит:

«Сюда скорей! Вкушают лотос здесь!
И сок его пьянит так сердце странно;
Сюда! — здесь Мир ликует весь
В истоме сладкой и желанной!

Рыдает песнь, мелькают тихо тени,
Пилады руки простирают к нам,
И образ той, пред кем я падал на колени,
Мне шепчет: «я твоя, прижмись к моим устам!»

VIII

Смерть — наш старый седой капитан. Пробил
уже час.

Здесь нам скучно, о Смерть, — отплывем
поскорей!

Как чернила, темно это небо для нас,
Но сердца утопают в сияньи лучей.

Влей в нас яд, — он угасшие силы вернет;
Мы хотим... мозг огнем и горит, и пылает;
Все равно рай иль ад, только в бездну, вперед,
В неизвестность, где новое нас ожидает!

ОСКОЛКИ

І. ЛЕСБОС

Мать греческих забав и сладострастья!
На Лесбосе дыханье нежных уст,
Томленья, поцелуи и объятья
Сочны, свежи, как лопнувший арбуз,
В стране античных нег и сладострастья.

На Лесбосе, где неги водопады,
Без страха их достигну глубины
И погружусь в любовные каскады,
Где страсти так пленительно сильны,
На Лесбосе, там неги водопады.

На Лесбосе влечется Фрина к Фрине,
Здесь слез не лила ни одна жена,
Здесь одиночества не сыщешь и в помине,
И ревностью к Сафо Венера смущена
На Лесбосе, где льнется Фрина к Фрине.

В земле ночей томительно-прекрасных
На Лесбосе прелестной наготы,
В юдоли дев взаимно сладострастных
Давно созрели сочные плоды
В земле ночей томительно-прекрасных.

Пусть сердится Платон, фривольное почуяв,
Неисчерпаемые таинства свои
Простите вы избытком поцелуев,
Стремясь к изысканной и сладостной любви.
Пусть сердится Платон, фривольное почуяв!

Все спишется за вечное мученье,
Присущее возвышенным сердцам,
За неизбывное любовное томленье,
Влекущее к запретным небесам.
Все спишется за вечное мученье.

Кто из богов дерзнет судить пороки,
Когда немерено со всех краев и стран
От горестей стремятся слез потоки,
Грозя потопом, в вечный океан.
Кто из богов дерзнет судить пороки?

Что вам людских законов мера?
На острове, где девы средь услад.
Для них любовь — религия и вера,
Смеясь, судачат про эдем и ад.
Что им людских законов мера?

Меня избрал ты, остров дерзновенный,
Чтоб тайны дев я словом превознес.
Средь прочих всех певцов этой вселенной
Познал я горечь ласк и радость слез.
Меня избрал ты, остров дерзновенный!

С тех пор стою на страже скал Левката,
Как верный гард иль зоркий часовой
И ожидаю брига иль фрегата,
Чьи паруса дрожат во мгле морской.
С тех пор стою на страже скал Левката.

Хочу поверить в благосклонность моря,
Молитве вняв единственной моей,
Пускай оно, извечно с камнем споря,
Взовет к Сафо, пропавшей средь зыбей,
Чтобы поверить в благосклонность моря.

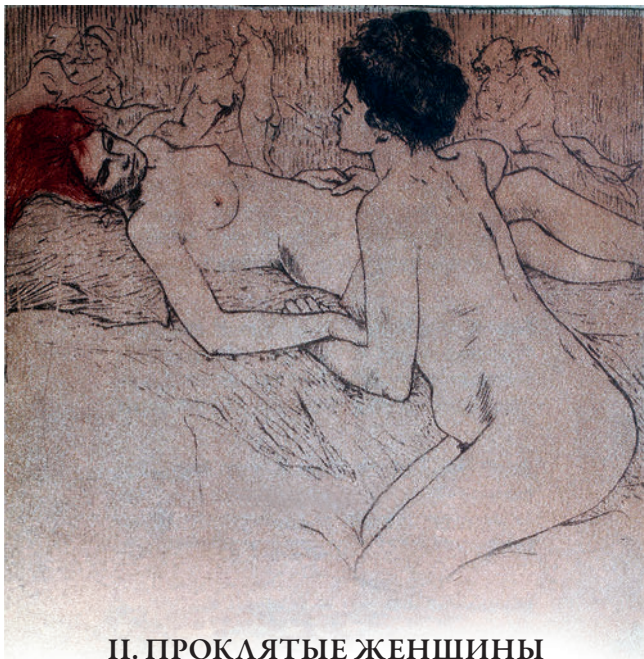
Любовница Сафо, бедняга, героиня,
Твой темный взор лазури вод милей,
Перед тобой Венера не богиня.
Вернись на Лесбос милый свой скорей,
Любовница Сафо, бедняга, героиня.

Прекрасней ты Венеры безмятежной,
Что породил угрюмый Океан,
И любовался ей нагой и нежной,
Лаская пеной белоснежный стан.
Прекрасней ты Венеры безмятежной.

Погибла ты, предав свои каноны,
Любви лесбийской негу позабыв,
Нарушив Лесбоса негласные законы,
Мужским рукам себя на грех раскрыв,
Погибла ты, предав свои каноны.

С тех пор над Лесбосом разносится стенанье,
Хотя весь мир признал его права.
Во тьме над водами гремит еще рыданье,
То к небесам вызывают берега,
Неся над Лесбосом тревогу и стенанье.

II. ПРОКЛЯТЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Дельфина и Ипполита

Среди меркнущих ламп, в бледном свете огней,
Где манящая пряность разлита,
Все покровы для огненной страсти ночей
Вмиг готова сорвать Ипполита.

И напрасно искал ее внутренний взор
Непорочность, пропавшую где-то.
Так глядит пилигрим на полночный простор,
Ищет проблески втуне рассвета.

Ее взор с поволокой, томленья черты
И бессильно сложенные руки —
Все так шло для ее неземной красоты,
Обрамляя страданья и муки.

А у ног ее нежно Дельфина легла
И смотрела призывно-маняще,
Как тигрица, что зверя клыками смогла
Уж пометить для трапезы в чаще.

И, нагнувшись над нежной и хрупкой красой,
Преклонилась могучая сила,
И напиток победы над бедной сестрой
Триумфально из чаши испила.

И следила за жертвой покорной своей,
Все пытаясь заметить во взгляде,
Благодарность за нежность любовных затей,
И за негу, что прячется в яде.

«Ипполита, скажи мне, мой ангел, что ты
Понимаешь, подруга, конечно,
Что не стоит дарить твоих персей цветы
Тем, кто их подминает беспечно.

Ведь мои поцелуи легки, как туман,
Что встает вечерами над лугом,
А любовники — пошлый досужий обман —
Твою плоть перепашут, как плугом.

Они вытопчут поле твоей красоты,
Землю в бешеном ритме взрывая,
О моя Ипполита, скажи мне, что ты
Мое сердце, душа мне родная.

Обрати на меня свой божественный взор,
Полный звезд и лазури безбрежной.
Я открою тебе бесконечный простор,
Что баюкает сладко и нежно».

«Сожаления нет, но не тешу себя», —
Ипполита уста отворила,
«Ведь мне тяжело на сердце, как будто бы я
Перебравший полночный кутила.

Меня мучают призраки, их океан,
Злые духи тоски и печали,
И хотят увести меня в мутный туман,
Что скрывают кровавые дали.

Что же сделали мы? Это стыд или срам?
Или похоть? Поверь, я не знаю,
Но я льну к твоим сладкоречивым устам
И от страха невольно сгораю.

Не смотри так призывно, мой ангел, молю.
Я влюбилась в твой образ навечно,
Даже если ты бедную душу мою
Увлекаешь в пучину беспечно».

Но Дельфина ответила, рыкнув, как лев,
И с пророческим блеском во взгляде:
«Эти мысли порочны для любящих дев.
Тот, кто любит, не мыслит об аде!

И будь проклят наивный чудак, дуралей,
Здравомыслящий, право, едва ли
Что хотел препарировать бурю страстей.
Для любви нет пределов морали!

Кто ж связать попытается пламя и лед,
Жар и холод, верхушку и донце,
Тот в свой сумрачный склеп никогда не волеет
Свет любви, что сияет, как солнце.

Коли хочешь, тупого мужлана найди,
Чтоб терзал твои нежные груди
Все равно ведь тебе от меня не уйти
Ты вернешься, нет счастья в блюде.

У тебя может быть лишь один господин!»,
Но сказала в ответ Ипполита:
«В моем сердце живет ощущение глубин,
Где любовь без предела разлита.

В глубине той кипящей страданья живут,
Слезы горя, терзанья, обиды.
Эти призраки душу мне факелом жгут,
Жажду им не унять Эвмениды.

Так сокроемся вместе от мира, сестра,
Погрузимся в нирвану устало.
Мне в груди твоём склепе сокрыться пора,
Отдохнуть. Разве этого мало?».

О несчастные жертвы, спускайтесь же в ад,
Где все ваши грехи и напасти
Словно бледные призраки вдаль улетят
Под порывами бешеной страсти.

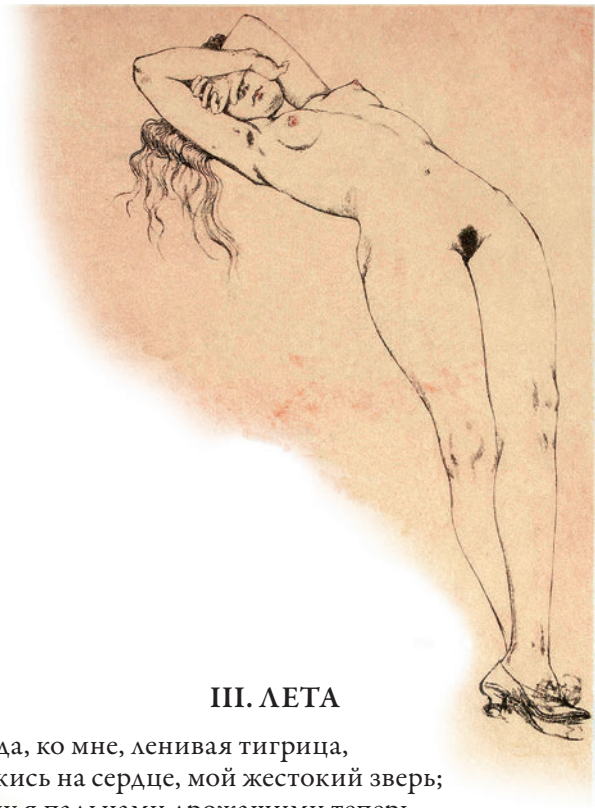
Будут чувства кипеть, полыхать и бурлить,
И поджаривать вас бесконечно.
Ваше пламя желаний вовек не залить,
Пусть оно обжигает вас вечно.

Через трещины вашей подземной тюрьмы
Проникают дурные миазмы,
А от душного мрака, где прячетесь вы
Возникают дыхания спазмы.

И бесплодно стараетесь плоть вы унять,
Утопить жажду страсти навеки.
Вожделение будет всегда воспалить
Вашу кожу, и мысли, и веки.

И пусть прокляты вы навсегда меж людей,
И конец заключения — вечность.
Не страшитесь своих одиноких путей,
В ваших душах царит бесконечность.

III. ЛЕТА

Сюда, ко мне, ленивая тигрица,
Ложись на сердце, мой жестокий зверь;
Хочу я пальцами дрожащими теперь
В копну волос твоих надолго погрузится.

В твоих душистых юбках я тону,
В них хороню я голову устало,
Дышу надеждой как цветок завялый,
Найти любовь, пошедшую ко дну.

Хочу заснуть, мне жизни сон дороже,
Тогда, быть может, в этом смертном сне
Мои лобзания доведется мне
Запечатлеть на блеске медной кожи.

Подобно пропасти лежит постель твоя,
В ней тонут все страдания и запреты.
Твои объятия, словно воды Леты,
Из поцелуев их тягучая струя.

Судьбу свою всем сердцем принимаю,
Ей восхититься искренно хочу.
Как осужденный, преданный бичу,
Я приговору с ужасом внимаю.

И чтобы злобу сердца утолить
К красавице в любви неблагоклонной
С сосков манящей груди заостренной
Дай яд цикуты мне теперь испить.

IV. СЛИШКОМ ВЕСЕЛОЙ

Твой вид и смех, и нежный взор
Прекрасны, как пейзаж прекрасен,
Когда невозмутимо ясен
Небес распахнутый простор.

Твоей красотой сражен прохожий,
Заметив свежесть щек и плеч,
Как умудрилась ты сберечь
Здоровье и атласность кожи?

Твоих одежд играют краски
И радуют поэта глаз.
Таких цветов неудержимый пляс
Увидишь лишь в балетной в сказке.

В твоих нарядах пестрых вижу
Лишь слепок с ветреной души.
Схожу с ума в ночной тиши,
Люблю тебя и ненавижу.

Среди садов я брел уныло,
Лелея немощность свою,
Но солнце мягко, как в раю
Лучами грудь мою омыло.

Весенние прекрасны воды,
Но я коварным сном влеком.
Хочу расправиться с цветком,
Чтоб отомстить за мощь природы.

И мне хотелось постараться,
От сладострастия горя,
Скользнув коварно, как змея,
К твоим красотам подобраться.

А я от них готов беситься —
От круглых ляжек, нежных плеч.
Вонжу ей в бедра острый меч!
Пусть кровь из раны заструится.

Безмолвные нальются губы,
Ты ими много раз подряд
Моей любви коварной яд
Вопьешь под ангельские трубы.

V. УКРАШЕНИЯ

Дорогая моя обнаженной была,
Лишь браслеты звенели на ней.
Мавританской рабыней прослыть бы могла
В прошлом мареве солнечных дней.

В этом шуме игривом, что манит, дразня,
Где играет металл с самоцветом,
До экстаза всегда впечатляет меня
Сочетание звука со светом.

Позволяя любить, прилегла на диван,
Улыбаясь с него безмятежно,
Ну а я, как к утесу седой океан,
Подступал к ней любовно и нежно.

Словно зверь прирученный, глядя на меня,
Изменяла движенья и позы,
Похотливой открытостью сладко маня.
Что за дивные метаморфозы!

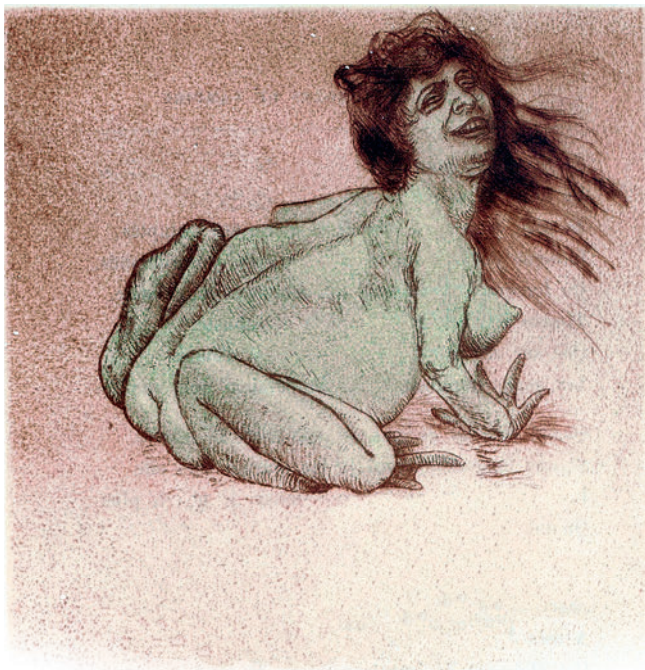
Бедра пены морской и нежней, и белей,
Для спокойного взора услада,
И качались созревшие груди у ней,
Словно гроздь в саду винограда.

Ее прелести, руки, спина и живот,
Эти ангелы зла и порока,
Мою душу хотели низвергнуть с высот,
Где витала она одиноко.

И глядя на ее белоснежную грудь,
И загар, как у сельской девчонки,
Думал я, что хотели они подчеркнуть
Как контрасты телес ее звонки..

В нашей комнате гаснул усталый камин,
Обреченно свеча умирала,
Только страсти огонь полыхал, как кармин,
В жилах кровь, закипая, играла.

VI. ВАМПИР

Мне женщина с клубничными губами,
Зажатая корсетом, как врагами,
Виясь, как змей, на медленном огне,
Слов пряный сок цедила в тишине:

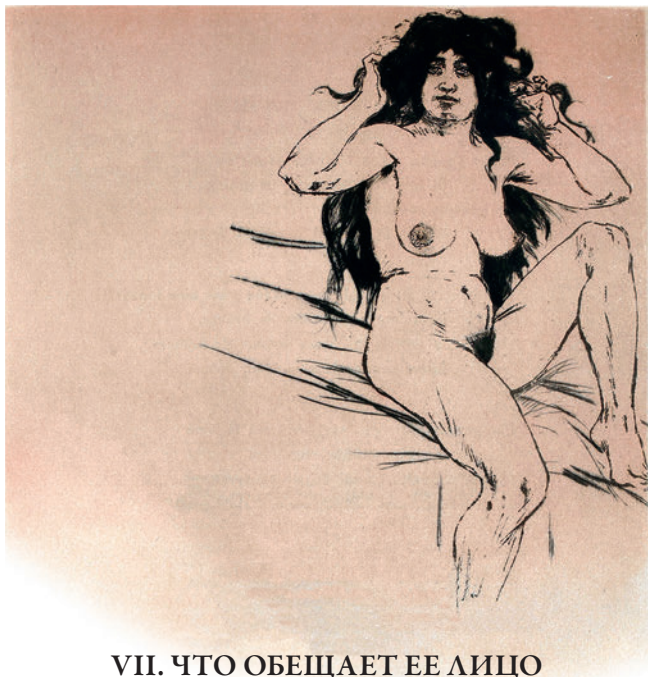
— Мой влажен поцелуй. Приди ко мне! Так сладко
В постели потерять свой разум без остатка.
Все слезы осушу я на груди своей,
Заставлю стариков смеяться, как детей.

Нагая, без одежд, тебе я б заменила
И синий небосвод, и звезды, и светила.
Поверь, мудрец, я опытно грешу,
Когда мужчин в объятиях душу.
Я грудь свою кусать тебе позволю,
Ведь за такую сладостную долю,
За негу этих благостных минут
И ангелы мне душу продадут.

Она пила мой мозг словами без остатка,
Когда же захотел обнять ее я сладко,
Увидел, что лежит во тьме со мной
Труп мерзостный, сочащий липкий гной.

Закрыв глаза, я молча содрогнулся,
Когда ж, набравшись смелости, очнулся
Увидел, что исчез тот манекен,
Что кровь мою сосал из жил и вен.
А вместо куклы здесь остов смердящий,
Как флюгер на ветру пронзительно скрипящий,
И пляшущий в холодной мгле ночной
Подобно вывеске висящей жестяной.

VII. ЧТО ОБЕЩАЕТ ЕЕ ЛИЦО

Красавица моя, люблю ночную мглу
Твоих бровей, изогнутых надменно,
И черный уголь глаз, что сердцу и уму
Нескромные мечты внушают откровенно.

И эта чернота сродни смоле волос,
Они давно находятся в союзе,
И ваших черных глаз читаю я вопрос:
«Не хочешь ли припасть к пластичной нежной
музе,

И следовать во всем желаньям своим,
Что мы внушили, чувствам потакая.
Тогда ты сможешь, страстию томим,
Увидеть, как стою я пред тобой нагая.

Найдешь ты сразу на моей груди
Две бронзовые круглые медали,
А ниже живота, меж бедер, посреди
Округлостей и впадин, что создали

Нежнейших завитков курчавое руно,
Сестрицу шевелюры неумемной,
Тебе увидеть, верно, суждено
Провал в ночи, ночи бездонной.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

СПЛИН И ИДЕАЛ

I. Благословение	10
II. Альбатрос	14
III. Порыв	16
IV. Сходства	18
V. Я люблю вспоминать те эпохи далёко прекрасные.	20
VI. Маяки	23
VII. Больная муза	26
VIII. Продажная муза	28
IX. Дурной монах.	30
X. Враг	32
XI. Неудача	34
XII. Жизнь прошлого	36
XIII. Цыгане в путешествии	38
XIV. Человек и море	40
XV. Дон-Жуан в аду	42
XVI. Теодору де Банвиль	44
XVII. Кара за гордость	46
XVIII. Красота	48
XIX. Идеал	50
XX. Великанша	52
XXI. Маска	54
XXII. Гимн красоте	57
XXIII. Экзотический аромат	59
XXIV. Волосы	61
XXV. Я тебя обожаю под кровом ночным	64
XXVI. Ты хотела б весь мир на кровати своей поместить	66
XXVII. SED NON SATIATA	68
XXVIII. Когда в одеждах трепетно-волнистых	70
XXIX. Танцующая змея	72
XXX. Падаль	75
XXXI. DE PROFUNDIS CLAMAVI	78
XXXII. Вампир	80
XXXIII. Словно труп помертвельый, бесстрастный	82

XXXIV. Позднее угрызение	84
XXXV. Котенок	86
XXXVI. Поединок	88
XXXVII. Балкон	90
XXXVIII. Бесноватый	92
XXXIX. Фантом	94
IXL. В своих стихах я о тебе пишу, мечтая	98
XLI. SEMPER EADEM	100
XLII. Вся целиком	102
XLIII. Что скажешь этим вечером, ты, робкая душа	104
XLIV. Живые огни	106
XLV. Наоборот	108
XLVI. Признание	110
XLVII. Нежный рассвет	113
XLVIII. Гармония вечера	115
XLIX. Флакон	117
L. Яд	119
LI. Мутное небо	121
LII. Кошка	123
LIII. Прекрасный корабль	126
LIV. Призыв к путешествию	129
LV. Непоправимое	132
LVI. Болтовня	136
LVII. Осенняя песнь	138
LVIII. Мадонна (В испанском вкусе)	140
LIX. Полуденная песнь	143
LX. Сизина	146
LXI. Стихи к портрету Гонория Домье	148
LXII. FRANCISCAE MEAE LAUDES	150
LXIII. Креолке	153
LXIV. MOESTA ET KRRABUNDA	155
LXV. Привидение	158
LXVI. Осенний сонет	160
LXVII. Печаль луны	162
LXVIII. Кошки	164
LXIX. Совы	166
LXX. Трубка	168

LXXI. Музыка	170
LXXII. Могила отверженного поэта	172
LXXIII. Фантастичная картина	174
LXXIV. Веселый мертвец	176
LXXV. Бочка ненависти	178
LXXVI. Колокол с трещиной	180
LXXVII. Сплин	182
LXXVIII. Сплин	184
LXXIX. Сплин	186
LXXX. Сплин	188
LXXXI. Неотступность	190
LXXXII. Ощущение ничтожества	192
LXXXIII. Алхимия грусти	194
LXXXIV. Невольный страх	196
LXXXV. Трубка мира (подражание Лонгфелло)	198
LXXXVI. Молитва язычника	204
LXXXVII. Крышка	206
LXXXVIII. Непредвиденное	208
LXXXIX. Вопросы полночи	211
XC. Печальный мадригал	213
XCI. Предостережение	216
XCII. Малабарке	218
XCIII. Голос	220
XCIV. Гимн	222
XCV. Непокорный	224
XCVI. Глаза Берты	226
XCVII. Фонтан	228
XCVIII. Расчет	231
XCIX. Очень далеко отсюда	233
C. Закат	235
CI. Тассо в темнице (К картине Эжена Делакруа)	237
CII. Бездна	239
CIII. Жалобы Икара	241
CIV. Сосредоточенность	243
CV. HEAUTONTIMOROUENOS	245
CVI. Непоправимое	247
CVII. Часы	250

ПАРИЖСКИЕ КАРТИНЫ

CVIII. Пейзаж.....	254
CIX. Солнце	256
CX. Лола де Валенцо (к картине Эдуарда Мане).....	258
CXI. Оскорбленная луна	259
CXII. Рыжей нищенке	261
CXIII. Лебедь (Виктору Гюго).....	264
CXIV. Семь старцев (Виктору Гюго)	268
CXV. Маленькие старушки (Виктору Гюго).....	271
CXVI. Слепые	276
CXVII. К прохожей.....	278
CXVIII. Скелет-хлебопашец	280
CXIX. Вечерние сумерки	282
CXX. Игра	285
CXXI. Пляска Смерти (Эрнесту Христофору).....	287
CXXII. Любовь ко лжи	291
CXXIII. Я не забыл наш белый тихий дом	293
CXXIV. Служанка добрая, ты преданной была.....	295
CXXV. Туманы и дожди	297
CXXVI. Греза Парижа (Константину Гюю).....	299
CXXVII. Рассвет.....	303

ВИНО

CXXVIII. Душа вина.....	307
CXXIX. Вино тряпичников.....	309
CXXX. Вино убийцы	311
CXXXI. Вино отшельника	314
CXXXII. Вино любовников.....	316

ЦВЕТЫ ЗЛА

CXXXIII. Эпиграф к осужденной книге.....	320
CXXXIV. Разрушение	322
CXXXV. Мученица. (к картине неизвестного художника).....	324
CXXXVI. Осужденные женщины	327
CXXXVII. Две сестры	330
CXXXVIII. Фонтан крови	332
CXXXIX. Аллегория	334

CXL. Беатриче.	336
CXLI. Поездка на Цитеру.	339
CXLII. Амур и череп (старинная виньетка).....	342

ПРОТЕСТ

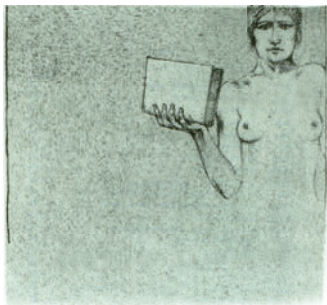
CXLIII. Отречение св. Петра	346
CXLIV. Авель и Каин.	348
CXLV. Акафист Сатане	351

СМЕРТЬ

CXLVI. Смерть любовников	357
CXLVII. Смерть бедняков	359
CXLVIII. Смерть артистов	361
CXLIX. Конец дня	363
CL. Сон любопытного	365
CLI. Путешествие (Максиму дю Камп)	367

ОСКОЛКИ

I. Лесбос (<i>пер. С. Ю. Афонькина</i>).....	376
II. Проклятые женщины (<i>пер. С. Ю. Афонькина</i>)	380
III. Лета (<i>пер. С. Ю. Афонькина</i>)	385
IV. Слишком веселой (<i>пер. С. Ю. Афонькина</i>)	387
V. Украшения (<i>пер. С. Ю. Афонькина</i>).....	389
VI. Вампир (<i>пер. С. Ю. Афонькина</i>)	391
VII. Что обещает ее лицо (<i>пер. С. Ю. Афонькина</i>).....	393

Шарль Бодлер
ЦВЕТЫ ЗЛА

Верстка, дизайн обложки,
подготовка к печати
Е. Гезенцевей

Бумага матовая мелованная
Presto Silk

Сдано в печать 04.12.2018
Объем 12,5 печ. листов
Тираж 3000 экз.
Заказ № 9238/18

На основании статьи 10 Федерального закона №436-ФЗ от 29.12.2010
ставится знак информационной продукции

18+

ООО СЗКЭО

Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru

ООО «Издательство «ОНИКС-ЛИТ»
119017, Москва, пер. Пыжевский, д. 5, стр. 1
Отдел реализации: тел.: (495) 649-85-07
Интернет-магазины: www.labirint.ru, www.my-shop.ru, www.ozon.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево 1,
комплекс №3А, www.pareto-print.ru

18+

ISBN 978-5-9603-0461-0

9 785960 304610 >